



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 130, июль 2025

ЛОГИКА МАРКСА

Применяемый Марксом метод *изложения* экономического анализа, о котором он упоминает в разных местах, предполагает восхождение от самых простых понятий к самым сложным. Этот метод – от простого к сложному – на первый взгляд кажется соответствующим здравому смыслу. Однако, объясняет Маркс, он как раз противоречит здравому смыслу. Здравый смысл фальсифицирует знание, именно принимая как данность представления об элементарных частях реальности, понимание которых на самом деле требует применения *научной абстракции*. Оппортунизм всегда будет противопоставлять предрассудки здравого смысла партии-науке.

Маркс пишет в предисловии к первому тому “Капитала”: *«Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть её в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвящённого анализ её покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия»*¹.

В самом первом томе “Капитала” Маркс добавляет, что его работа не представляет *«трудностей для понимания»*, *«[за] исключением раздела о форме стоимости»*².

Микроанатомия клетки капитала – товара, осуществляемая при помощи скальпеля *научной абстракции*, имеет грозную силу. Она является основой для понимания тайн капитала. Нас окружают огромные количества товаров всех форм и назначений. Товары – это потребительские товары, сырьё, энергия, потребляемая в домах, офисах и на фабриках, это средства производства, дома, промышленные склады, земля, транспортные средства, туристические путёвки, услуги здравоохранения. Капитализм предстаёт как бесконечная ярмарка товаров, которые постоянно изменяются, модернизируются, распространяются по всем сообществам на планете. Всем известно, что каждый товар характеризуется своей особой полезностью - *потребительной стоимостью* – и *ценой*. Цена говорит нам, что потребительная стоимость – это оболочка, ларец, в котором заключена *меновая стоимость*. На рынке покупатель ищет определённую *потребительную стоимость*, продавец же заинтересован в реализации *менового стоимости*, содержащейся в продаваемых им товарах. Цена делает самые разнородные товары

сопоставимыми. Например, мы можем сказать, что одна пара обуви стоит столько же, сколько две рубашки. Обувь и рубашки – это продукты *труда*.

Меновая стоимость выражает количество *труда*, содержащееся в каждом товаре, то есть количество *рабочего времени*, использованного для его производства. Но речь идёт не просто о любом труде, а об *общественно необходимом рабочем времени* – том, которое требуется при средних общественных условиях, способностях, технике, производительности, договорных отношениях. Анализ Маркса движется малыми шагами, прежде чем совершить большой скачок. Он фокусируется на *труде*, чтобы выявить его связи со *стоимостью*. В товаре мы видим два аспекта труда, при помощи которого он создан: затрата рабочей силы, необходимой для любой производительной деятельности, – это *абстрактный труд*, и специфическая трудовая деятельность, придающая товару форму и функциональность, – это *конкретный труд*. Конкретный труд придаёт товару его *потребительную стоимость*, абстрактный труд – *меновую стоимость*.

Процесс, в котором Маркс при помощи научной абстракции вскрывает самые сокровенные связи, скрытые в товаре, имеет жизненно важное значение, поскольку он содержит разгадку *тайны капитала*. Когда в сфере обращения в определённых исторических условиях встречаются капиталист – *владелец денежного товара* и пролетарий – *владелец своего единственного товара – рабочей силы*, то обмен заключается в том, что капиталист покупает товар “рабочая сила”, оплачивая его по *меновому стоимости*, образованной стоимостью средств существования, необходимых для производства и воспроизводства рабочей силы. И этот обмен в *сфере обращения* является совершенно справедливым обменом эквивалентных стоимостей. Но именно в *сфере производства* раскрывается *потребительная стоимость* рабочей силы, то есть её способность – в данных исторических условиях развития производительных сил – трудиться дольше, чем требуется для воспроизводства самой этой силы. В результате создаётся товар, *меновая стоимость* которого превышает стоимость рабочей силы, то есть заработную плату. Эта избыточная часть рабочего времени, которую наёмный работник вынужден *«отдавать»* капиталисту, является источником дохода для всех буржуазных фракций и всеобщего богатства, накопленного во всех формах. Это открытие *прибавочной стоимости*.

Маркс писал Энгельсу, подчёркивая *«простоту»* открытия: *«[...] от внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощённый в товаре труд должен иметь двойственный характер, между тем как простой анализ, исходящий из труда sans phrase, как у Смита, Рикардо и т. д., всякий раз наталки-*

*вается на необъяснимые явления. В этом, действительно, и заключается вся тайна критического понимания вопроса»*³. Понимание того, что стоимость как таковая *«не имеет иного “вещества”, кроме самого труда»*, было доступно уже Петти, а затем было *«вполне [разработано] у Рикардо»*⁴. Двойственный же характер труда, соответствующий двойственному характеру стоимости, не был выявлен.

Почему Маркс смог сделать этот простой, но грандиозный скачок в исследовании капитала? Энгельс даёт столь же простой и глубокий ответ: потому что Маркс увидел за отношениями, которые классическая политическая экономия трактовала как отношения между вещами, отношения между людьми и между классами: *«[Политическая] экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счёте между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всём её значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и яс-*

*ными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты»*⁵.

В нескольких местах “Экономической рукописи 1861–1863 гг.” Маркс иллюстрирует присущее капиталистическому способу производства преобразование общественных отношений в отношения между вещами. Это, однако, не мешает ему признавать заслугу самого авторитетного экономиста буржуазии – Давида Рикардо – именно в том, что тот выявил эту вещьность, эту дегуманизацию, производимую системой буржуазных отношений. Маркс пишет в тетради XVI “Экономической рукописи 1861–1863 гг.”:

*«Наиболее значительно у Рикардо как раз то, в чём его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о “людях”, о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил [...]. Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создаёт материальные условия более высокого способа производства»*⁶.

(Продолжение статьи на стр 12)

Содержание

ЛОГИКА МАРКСА.....	стр. 1
Издательская новинка	
Клыки Дракона	стр. 2
Новое издание “Государства и революции	
Государство и кризис порядка	стр. 3
Российские хроники	
Долгое время буржуазной политики.....	стр. 4
Атом и индустриализация науки	
Английская бомба	стр. 5
Психология как наука о бизнесе	стр. 6-7
Анархистские корни испанского интернационализма	стр. 8
Военная промышленность и европейская оборона	
Производители оружия ждут у кассы.....	стр. 9
Рабочая борьба в мире	
Забастовка в Boeing.....	стр.10
Хроники нового американского национализма	
Истеблишмент опасается непреднамеренных последствий от действий Трампа.	стр. 11
Промышленность и фармацевтика	
Китайская наука под подозрением.....	стр. 12
Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмень	
“Элегия реки” выявляет плюрализм прибрежного Китая.....	стр. 13
Забывтое рабочее сопротивление в Австрии.....	стр. 14
Региональные партии в индийской политике	
“Шив Сена” – переменчивый союзник из Махараштры.....	стр.15
Последнее сражение большевиков.....	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА.....	стр. 16

Договора и торговые войны

Сигналы “мультиприсоединения” из восходящей Индонезии.....	стр. I
Тьермондистский генезис ЮНКТАД.....	стр. II
Чудеса и провалы цепочек поставок	стр. III
Индонезия при Прабово выбирает обязательства перед ВРЭП, ТТП и ОЭСР.	стр. IV

Издательская новинка

Клыки Дракона

Из предисловия к книге Джулио Мотози и Пьеро Нардини "Le zanne del Dragone".

“Клыки дракона” – так называется статья Роберто Казеллы, опубликованная в мае 2010 года. Её сопровождала наглядная карта крупнейших производственных центров Китая, которая на протяжении многих лет оставалась важной опорной точкой для всех, кто занимался анализом “плюрализма мандаринов”. Столкнувшись с безграничной экспансией и сложностью властных структур в Китае, можно растеряться. Казелла отталкивался от крупных городов: *«Дракон – мифологический образ, идеально подходящий для изображения зрелого империализма континентального масштаба, каковым является Срединное царство. Китайские мегаполисы – это его клыки».*

Понимание ключевых узлов концентрации сил и противоречий китайского империализма позволяло разглядеть и второстепенные полюса, а затем и общую конфигурацию в целом, не теряясь в бесчисленных потоках. История взаимодействия ведущих экономических центров и политических направлений Китая позволила опереться на прочный фундамент для материалистического анализа. Статистика служила своего рода зеркалом заднего вида.

Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, центры Чэнду и Чунцин на западе, Ухань и Сиань во внутренних районах и Далянь, Циндао и Сямэнь на побережье представляют собой китайские "пять озёр и четыре моря", то есть ключевые районы, которые – по известной формуле Дэн Сяопина – должны быть представлены в политическом синтезе общей буржуазной линии страны, иначе может начаться политический кризис в самом Запретном городе.

Такое представление Мао Цзедун и Дэн заимствовали – каждый на своём

историческом этапе развития китайского капитализма – из традиции великой тысячелетней Империи: “четыре моря” метафорически представляли внешние границы Древнего Китая, а “пять озёр” – всё, что находилось внутри них, старые царства, столь непохожие друг на друга и зачастую враждующие между собой. В современном понимании озёра и моря описывают внутренние и прибрежные провинции, которые, в свою очередь, образно представляют как Жёлтый Китай и Голубой Китай.

Под маркой КПК плюралистическая структура мандаринской власти была направлена по пути централизации интересов господствующего класса и его фракций, постоянно конкурирующих друг с другом – словно соперничающие царства. Имея партийно-государственное устройство, испытанное пятьюдесятью годами ожесточённых конфликтов, Китай ворвался во второе столетие империализма, принеся с собой весь свой плюрализм капиталов.

Карл Маркс учил, что формирование общеклассового интереса буржуазии может быть только результатом непрестанной борьбы, затрагивающей политическую сферу, только как итог синтеза противоречий.

Фундаментальные труды о классовой борьбе во Франции остаются незаменимой школой для тех, кто стремится понять истинное содержание китайской “народной демократии” – политической формы, в которую обличилось классовое господство в империалистическом государстве нового азиатского разбойника.

В “Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта” – работе, посвящённой государственному перевороту Луи Наполеона в декабре 1851 года – Маркс указывал на свойство «заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса ради того или другого личного мотива»³.

Поэтому буржуазному государству, помимо репрессий против пролетариата, приходится заботиться о защите общих интересов господствующего класса от тысячи частных целей его собственных членов, даже если эти амбиции принимают форму отдельных китайских “морей” и “озёр”.

Научное исследование "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г." открыло классовое содержание буржуазной республики, которая является «высшей и чисто выраженной формой господства всего класса буржуазии»². В "Восемнадцатом брюмера" Маркс пишет: «Парламентарная республика представляла собой нечто большее, чем нейтральную почву, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты – крупная земельная собственность и промышленность – могли хозяйничать рядом, на равных правах. Она была необходимым условием их совместного господства, единственной государственной формой, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества»³.

Две функции буржуазного государства – централизация политической власти то против пролетариата, то против “заурядных буржуа” и “отдельных фракций” самой буржуазии – переплетались на различных этапах классовой борьбы. Именно поэтому Фридрих Энгельс в предисловии к “Гражданской войне во Франции”, посвящённом Парижской коммуне 1871 года, делает акцент на первой функции: «[...] государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим»⁴. Именно это подчёркивал Ленин в работе “Государство и революция”, написанной в 1917 году. В разгар революционной борьбы «теория не догма, а руководство к действию»⁵. Ленин мог опираться на труды Энгельса, чтобы восстановить нить марксистской теории государства и соединить её с революционным натиском Октября.

В «Анти-Дюринге» (1878) Энгельс пишет: «А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создаёт себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посяательствах как рабочих, так и отдельных капиталистов»⁶. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной в 1884 году, Энгельс добавляет, что публичная власть «усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населённые», то есть на неё влияют как классовая борьба, так и «конкуренция завоеваний»⁷ между государствами.

Застав последние десятилетия XIX столетия, время "кризиса конца века", Энгельс анализировал «теперешнюю Европу», охваченную гонкой вооружений, и ясно обозначал ключевую

роль государственной власти в конфликтах зарождающейся империалистической эпохи. Ленин, помимо этих замечаний о военном аппарате – которые чрезвычайно актуальны и сегодня, – располагал замечательным синтезом наших учителей о государстве как органе борьбы буржуазии с пролетариатом, с отдельными капиталистами и другими государствами.

Классики высекали на камне общественной науки фундаментальные черты демократии как «лучшей оболочки»⁸ для диктатуры капитала, диктатуры буржуазии. Ленин развил эту линию, с самого начала уловив реакционный характер «империалистической демократии»⁹, оболочки буржуазной диктатуры в империалистической фазе капитализма, достигшего своей «высшей» стадии, то есть старости.

Демократическая форма, возникшая в результате политической борьбы XIX века, на новом этапе – этапе концентрации капитала и передела мира продолжала служить средством формирования и выражения интересов буржуазии. Но демократия мелких производителей, соответствующая фазе свободной конкуренции, в империалистическую эпоху стала *«реакционной»* демократией, став наилучшей оболочкой империалистического плюрализма крупных экономических групп, *«политической плюралистической централизацией крупного капитала»*¹⁰. Арриго Черветто назовёт её *империалистической демократией*, интерпретируя ленинскую формулу *реакционной демократии*.

Китай, хотя и демонстрирует особую, искажённую форму империалистической демократии, сохраняет все её ключевые характеристики. Пример Поднебесной не опровергает универсальности капиталистического способа производства: в нём есть буржуазия и пролетариат, причём его государство – это государство капиталистов. Сегодня, независимо от политической формы, китайское государство – это государство крупных промышленных и финансовых концентраций. Баланс сил, даже внутри конкретных институтов партии-государства, выражает баланс политических воль множества реальных экономических сил. Основные черты китайского империалистического государства в точности повторяют функции централизации государственной власти, на которые обращал внимание Энгельс, эта проблема получила развитие в работах Ленина, который развил её на стадии империалистической демократии. Марксистская теория государства обладает прочной основой для изучения беспрецедентного восхождения новых азиатских империалистических держав.

Lotta comunista, декабрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч.
Изд. 2-е. Т. 8. С. 180.

2 – Там же. Т. 7. С. 58.

3 – Там же. Т. 8. С. 185.

4 – Там же. Т. 22. С. 200–201.

5 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 41. С. 55.

6 – Маркс К. и Эн
Изд. 2-е. Т. 20. С. 290.

7 – Там же. Т. 21. С. 171.

8 – Черветто А. Политическая об-
ложка СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Проме-
тей”», 2010. С. 78.

9 – Там же. С. 121.

10 – Там же. С. 89.

ГЕОГРАФИЯ МОЩИ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Бюллетень “Интернационалист” июнь 2010)



Новое издание “Государства и революции”

Государство и кризис порядка

II

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Владимира Ленина “Государство и революция”.

Ленин возвращается к марксистской теории государства в разгар первой мировой войны именно потому, что революционной партии пришлось вести борьбу с варварством, порождённым столкновением крупных империалистических государств. Стоит отметить, что даже в самый разгар войны – в момент наивысшей концентрации государственной власти, когда государства получили чрезвычайные полномочия, мобилизовали предельные усилия на ведение войны, поставили экономику под контроль государственного капитализма, ввели военное положение и начали жестоко подавлять инакомыслие для удержания внутреннего фронта – Ленин отверг теорию Николая Бухарина, абсолютизирующую власть государств в эпоху империализма. Он вновь подчеркнул, что демократия является *лучшей политической оболочкой* капиталистического общества, даже на его высшей, империалистической стадии. Можно сказать, что Ленин предоставил все инструменты для борьбы с более поздними теориями тоталитаризма или сверхимпериализма. Концентрация капитала не ослабляет, а, наоборот, обостряет конкуренцию – как экономическую, так и политическую – за влияние на государство. Неравномерное развитие неизбежно. Тоталитарное государство невозможно, поскольку его существование предполагало бы устойчивое и постоянное равновесие, своего рода “заморозку” внутренней структуры буржуазных фракций и почти абсолютное единство целей – то, чего никогда не было в истории империализма. В конечном счёте, это предполагало бы длительную стагнацию производительных сил.

Гигант Ленин стоял на плечах великанов – Маркса и Энгельса – и показывал, как буржуазия в процессе своего исторического восхождения совершенствовала государственную машину, вырванную революционным насилием у феодальной аристократии, направляя её к всё большей централизации власти в руках исполнительной власти; как новый правящий класс, несмотря на экспоненциальный рост своего бюрократического и военного паразитизма, по-прежнему нуждается в плюрализме, чтобы представлять свои интересы и эффективно приводить их к синтезу. Государство является официальным представителем всего общества, его зримый синтез. Оно должно отражать неравномерное развитие фракций правящего класса и их борьбу. Государство в империалистическую эпоху – это политическая оболочка, которая выражает в непрерывной череде политических схваток совокупность связей и интересов, укоренившихся на местах. Это та форма, которая наилучшим образом способна примирить, дисциплинировать и объединить эти интересы в общую линию, подчиняя ей угнетаемый класс как массу для манёвра. Эффективность централизации плюрализма проверяется и в международной политической борьбе: наиболее эффективной политической оболочкой является та, которая наилучшим образом борется с другими государствами (как союзниками, так и противниками) или вмешивается в их политику.

В эпоху финансового капитала политика становится утончённым искусством господства, защиты и реализации богатства «*двумя методами*»: через прямую коррупцию государственных чиновников и через союз правительства с фондовой биржей. Политическая история каждой современной державы даёт бесконечное множество примеров этому.

При всём уважении к Вулфу и его коллегам, капитализм, с тех пор как буржуазия стала господствующим классом, всегда тяготел к демократии как к наилучшей оболочке. Каждое государство, а также одно и то же государство на разных фазах борьбы между буржуазными группами и фракциями, является по-своему демократическим. Говоря научным языком, демократия, как обнаружил Маркс в “Капитале”, является чистой формой политического господства при капитализме, но она имеет «*бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств*»¹.

С диктатурой капитала, с его политическим господством необходимо бороться во всех его проявлениях. Чтобы вести политическую борьбу, необходимо глубоко изучить науку революции. Империалистическому государству нужна демократия, но разновидностей империалистической демократии множество. История империалистического развития показывает, что диалектика централизации плюрализма может принимать формы *однопартийного плюрализма* – фашистские, сталинские, маоистские, – может выражаться в политической роли вооружённых сил или в доминировании крупных партий-государств, таких как Христианская демократия в Европе или Либерально-демократическая партия в Японии, существующая до сих пор. В некоторых случаях это происходило настолько жёстко и неадекватно, что приводило к чисткам, политическим убийствам и массовым казням. Дисбаланс и политический кризис являются обычными продуктами деятельности правящего класса, продуктами борьбы между фракциями, между регионами, между государственными властями и между партиями.

В теоретических разработках правящего класса существуют концепции прагматического реализма, которые позволяют лучше понять, почему настолько прочна лучшая оболочка сегодняшнего общества – империалистическая демократия. Сабино Кассе пишет, что «*демократия – это смешанный режим, который менялся с течением времени и сегодня состоит из множества компонентов: отбор представителей посредством выборов, которые заключаются в одобрении предложений (кандидатур), внесённых партиями; наличие нескольких субъектов, то есть партий; свобода политических партий и их членов выражать своё мнение и объединяться; уважение к основным правам и свободам; социальный и политический плюрализм, заключающийся в существовании различных выборных органов; разделение властей и противовесы между ними; стремление к равенству, причём не только формальному, но и такому, которое обеспечивает всем одинаковый старт; участие в наднациональных системах; открытость выборных органов к диалогу и инакомыслию, а также к компромиссу*». Если не принимать во внимание явно утопическую цель

достижения социального равенства в рыночном обществе, этот перечень характеристик империалистической демократии даёт представление об одной черте, которая даёт ей великую силу, – гибкость. С помощью этой гибкости старая власть пытается сдерживать, трансформировать популистские партии, превращая их в точки соприкосновения генеральной линии крупной буржуазии с мелкобуржуазными и собственническими слоями, которые необходимы ей для хотя бы временного господства над массами. Эту же цель преследует и политика *закона и порядка*, проводимая как правыми, так и левыми правительствами.

Гибкость заключается в способности отражать изменения относительного веса фракций и течений в рамках централизации плюрализма сил и сопровождать их идеологиями в адекватных пропорциях. Это не означает, что процесс не сталкивается с моментами несоответствия, которые могут вылиться в более или менее продолжительный дисбаланс или привести к более или менее жестоким кризисам.

Несколько провокационно эксперты по конституционному праву стран БРИКС заявляют, что государственное устройство их стран соответствует всем перечисленным характеристикам, но с особыми чертами, обусловленными их историей и традициями. А поскольку каждый империалистический разбойник осуждает преступления своих собратьев-разбойников, то достаточно лишь внимательно изучить международную прессу за достаточно длительный период и сделать её сравнительный обзор, чтобы обнаружить ужасы, которые творят все без исключения империалистические демократии: от физического устранения противников и подавления оппонентов до массовых убийств, совершаемых террористической крупной буржуазией в ходе военных столкновений, которые преподносятся общественности как удовлетворение жизненных потребностей, где жертвами становятся беззащитные и невинные люди – как побочный ущерб.

Империализм извращает производительные силы, превращая их в расточительство и разрушительные силы, которые в итоге обращаются против своих собственных создателей. В результате его политическая оболочка давно превратилась в *реакцию по всей линии*.

Идеология лишь запутывает острые противоречия правящего класса, но не может их скрыть, поскольку в этой мифической борьбе либеральных демократий против тираний в качестве верных союзников первых всё чаще привлекаются репрессивные режимы с высокой степенью полицейской жестокости. Отвратительные правительства выступают поставщиками энергии и стратегического сырья, они исполняют роль надсмотрщиков в “архипелаге ГУЛАГ”, созданном на средства либеральных апологетов «*регулируемой миграции*», а через военные поставки превращаются в вспомогательные войска в опосредованных войнах великих держав.

Научные разработки революционной партии, создававшиеся поколениями, с течением десятилетий обогащались и совершенствовались инструменты для понимания и борьбы с диктатурой буржуазии во всех её проявлениях. Указание на необходимость более глубокого

понимания вопроса государства и демократии может быть найдено во многих работах Арриго Черветто, таких как “Политическая оболочка”, в книге Гуидо Ла Барберы “Европа и государство”, эссе, опубликованных издательством Lotta Comunista, об империалистической демократии в Америке и Китае, а также в теоретических пассажах в рубрике “Европейские хроники” газеты Lotta Comunista, дающих понимание процесса империалистического объединения Европы.

В книге о “группе, стоявшей у истоков” Lotta Comunista есть глава, посвящённая длительным критическим размышлениям Черветто о концепциях государства как в анархистской, так и в левокоммунистической традициях. Общей чертой этих традиций является абсолютизация силы империалистического Левиафана – до такой степени, что он, якобы, закупоривает все возможные щели для эффективного политического действия. Отсюда – склонность переходить к крайнему скептицизму и выжиданию. Черветто подчёркивает, что теоретические вопросы *империалистического государства* становятся *практическими вопросами революции* – это вопросы о балансе сил между государствами, о формировании новых государств или о национальной независимости, об использовании организациями пролетариата пространств легальности, имеющих в буржуазном государстве, и, наконец, о необходимости диктатуры пролетариата или переходного государства – государства-коммуны. Они представляют собой теоретический и практический фронт борьбы революционной партии, сложные узлы, которые необходимо развязать, чтобы бороться против буржуазного Ancien Régime посредством интернационалистской стратегии, отвечающей вызовам времени.

В войнах кризиса порядка течения, которые не в состоянии проанализировать динамику баланса сил и, следовательно, овладеть пониманием различных этапов коммунистической стратегии в отношении *национального вопроса*, останутся в ловушке социал-империализма, который на словах выступает за социальный прогресс и против угнетения, но на деле находится на службе империализма.

Процесс накопления факторов исторических изменений долог и молчалив, для больших масс даже незаметен. Старый крот коммунизма продолжает рыть, его теоретическая глубина подкрепляет страсть и вкус к ежедневному участию в борьбе за преобразование мира. Каждый день он методично работает над тем, чтобы освободиться от буржуазного хлама и сформировать точку зрения угнетённого класса. Он укрепляет свою организацию, чтобы дать угнетённым и слабым возможность освобождения.

Разрушение порядка продолжается и неизбежно приведёт к его катастрофическому краху. И история вновь поставит альтернативу между варварством мировой войны при буржуазной диктатуре и возможностью освобождения посредством диктатуры пролетариата. Опыт Парижской и Русской коммун вернётся в повестку дня.

Lotta comunista, январь 2025 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 354.

Российские хроники

Долгое время буржуазной политики

20 июня, то есть в тот самый момент, когда Израиль и Иран обменивались ракетными ударами, на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) президент РФ Владимир Путин пояснял, что *«там, где ступает нога русского солдата, то наше»*. Это заявление лидера российского империализма прозвучало в контексте дискуссий о состоянии экономики России. Очевидно, оно отражает намерение Кремля сохранить за собой оккупированные территории Украины, но, возможно, за ним скрывается и желание воспользоваться ситуацией для расширения экспансии. Показательно, что из лагеря российских ястребов всё громче звучат призывы “окончательно решить украинский вопрос”, в том числе посредством новой мобилизации. И здесь на первое место встаёт обычный для капитализма вопрос цены. Сколько это будет стоить?

Состояние российской экономики отнюдь не катастрофическое, но и не радужное. Обратим внимание на некоторые заявления, прозвучавшие на том же ПМЭФ. Министр экономического развития Максим Решетников указал, что *«по цифрам у нас охлаждение, но у нас все наши цифры – это зеркало заднего вида. По текущим ощущениям бизнеса, по индикаторам мы, мне кажется, уже на грани перехода в рецессию»*. Председатель правления Сбербанка Герман Греф пожаловался на прекращение всяких серьёзных инвестиций, а председатель бюджетного комитета Государственной думы Андрей Макаров сообщил, что по инвестиционному климату Россия занимает 126 место из 133 возможных.

На том же форуме развернулась дискуссия между экономическим блоком правительства и Центральным банком об экономических моделях. На данный момент, по всей видимости, доминируют сторонники избранной с началом войны экономической модели “военного кейнсианства”, которая нацелена на повышение совокупного спроса за счёт роста военных расходов. Её сторонники требуют отказа ЦБ от цели снижения инфляции до 4 % годовых. *«Я просто за то, чтобы помимо веры в 4 % можно хотя бы немножко любви к экономике и к её росту, чуть-чуть»*, – обратился Решетников к Набиуллиной. Поскольку опережающими темпами растут связанные с войной сектора экономики, а производство гражданской продукции стагнирует, кто-то может сделать вывод о том, что министр взывает к любви к оружию. В этом есть доля правды: Россия по-прежнему находится в состоянии войны, да и мировое империалистическое противостояние продолжается. Но вероятно, что кремлёвскими сторонниками “военного кейнсианства” движет идея, которую в своё время изложил один из теоретиков русского экономического национализма Юрий Ярёмченко (1935–1996) – по поводу использования доминирующего положения ВПК СССР как базы для последующего технологического рывка: *«На мой взгляд, смысл конверсии не в том, чтобы использовать оборонные предприятия для производства гражданской продукции, а в том, чтобы попытаться использовать ресурсы, сконцентрированные в оборонном секторе, для реструктурирования всей нашей экономики. Главное здесь – сохранение и эффективное задействование человеческого капитала оборонных отраслей, их социальной, транспортной и энергетической инфраструктуры, сферы НИОКР»*¹. России – наследнице СССР – удалось это сделать лишь отчасти. Исследованию этого вопроса следует посвятить

отдельную статью, тем более, что и американский историк экономики Александр Филд в вышедшей осенью 2022 года книге *“The Economic Consequences of U.S. Mobilization for the Second World War”* доказывает несостоятельность многих устоявшихся суждений о положительном влиянии второй мировой войны на рабочую силу, физический капитал, технологические и научные возможности США.

Тем временем из либерального лагеря российской эмиграции раздаются голоса надежды, что к осени, когда начнётся подготовка бюджета на 2026 год, борьба между кремлёвскими “силовиками” и “технократами” обострится. Одним из ключевых вопросов этих споров, безусловно, станут военные расходы. По итогам 2025 года они составят около 172 млрд долларов, что на 12 % больше, чем годом ранее. Речь идёт примерно о 7,7 % ВВП, если считать траты и на оборону, и на национальную безопасность. План на 2025–2027 годы закрепляет их на уровне около 7 % ВВП на весь этот период. По мнению комментаторов из либерального лагеря, изменений тут ждать не стоит. Так, Александра Прокопенко в статье от 16 июня 2025 года на сайте Центра Карнеги пишет: *«Кремль надеется оснастить армию самым современным оружием, разработанным с учётом опыта текущей войны. Этот процесс растянется на несколько лет, обеспечив заказами военную промышленность. Кремль рассчитывает на инерционный эффект милитаризации: он позволит поддерживать занятость, загрузку заводов и макроэкономическую стабильность, пока правительство будет плавно переводить экономику на мирные рельсы»*.

Посмотрим, удастся ли реализовать этот план, – но самое главное, неизвестно, присутствует ли он в головах кремлёвских лидеров. 27 июня, после завершения саммита ЕАЭС в Минске Владимир Путин, отвечая на вопросы журналистов, согласился что расходы на военные нужды в России *«немаленькие»*, подчеркнув, что *«это, конечно, одна из проблем, в том числе для бюджета, которую мы должны решать»*. За высокие военные расходы, признал Путин, Россия заплатила *«инфляцией»*, с которой *«мы сейчас боремся»*, *«целенаправленно идём к тому, чтобы “мягкую посадку” экономика в чём-то осуществила»*. Это заявление можно прочесть как своеобразную поддержку Набиуллиной, которая, несмотря на атаки практически со всех флангов российского империализма, остаётся во главе Центробанка.

Пока же – в условиях демографического кризиса, обострившегося из-за войны на Украине – российский капитал всё сильнее втягивается в борьбу за дешёвую иностранную рабочую силу. По данным министерства труда, на российских фабриках в 2024 году было занято 47 тыс. рабочих-мигрантов из стран “дальнего зарубежья”. Это абсолютно незначительное количество, менее одной тысячной от общего числа занятых в российской экономике. В основном это мигранты из стран, с которыми у России имеется безвизовый режим, – Китая, Индии, Турции, Сербии. На фабриках Калининградской области, в строительной компании “Самолёт” Московской области, а также в магазинах X5 Group и на складах онлайн-ритейлера Ozon уже работают индийцы, ещё 4 тыс. их земляков претендуют на рабочие места в Санкт-Петербурге. В то время как буржуазия явочным порядком привлекает мигрантов, чтобы заткнуть бреши на рынке труда, и предлагает заключить договор с Индией о подготовке рабочей силы для российской экономики, продол-

жается антимигрантская истерия, выливающаяся в ксенофобские заявления из стен Государственной Думы и офисов силовиков. Прошлогодний теракт в “Крокуссе” вызвал дискриминационное решение о недопущении в школы не знающих русский язык детей мигрантов, а в этом году в Госдуме обеспокоились тем, что есть тысячи детей, которые не ходят в школы, – и предложили решить эту созданную собственными руками проблему держимордовским способом: высылать из страны родителей, чьи дети не посещают школу. Депутат Михаил Матвеев (КПРФ) призвал сразу выдворять таких иностранцев: *«Все родители должны знать, что, если они не исполняют свои обязанности, вариант будет только один – депортация вместе с детьми. Домой, в родные кишлаки!»* (“Независимая газета”, 11.06.2025).

В то же самое время ведущие эксперты российского империализма осознают важность демографической проблемы и связанного с ним вопроса борьбы за привлечение мигрантской рабочей силы. Так, 22 июня в большом интервью правительственной “Российской газете”, которое также было опубликовано и на сайте РСМД, президент ИМЭМО РАН Александр Дынкин на вопрос о том, как он относится к долгосрочным экономическим прогнозам, дал однозначный ответ: *«Прогнозисты знают, что самой надёжной основой долгосрочных оценок является демографическая статистика, на базе которой можно с высокой достоверностью получать оценки будущей экономической силы государств»*. Демография при капитализме – это в первую очередь проблема прибавочной стоимости, а во вторую, как указывал Маркс в “Капитале”, вопрос о рынках сбыта, поскольку рабочие нужны буржуазии в том числе и как покупатели произведённых ими же самими товаров.

Теме миграций посвящён многогранный июньский доклад научного директора РСМД Андрея Кортунова, который требует отдельного рассмотрения. Пока же обратим внимание лишь на следующий демографический прогноз эксперта: *«Общая численность рабочей силы в странах Севера к 2050 г. при сохранении нынешних демографических тенденций сократится, как минимум, на 100 млн чел., даже несмотря на активное привлечение к экономической деятельности всё более старших возрастных групп. В то же время в странах, относящихся к глобальному Югу, совокупные трудовые ресурсы увеличатся примерно на 1,5 млрд чел. при сохраняющемся отставании от Севера по средней продолжительности активной трудовой жизни»*. Одного этого прогноза достаточно для понимания, куда смещается эпицентр экономической силы в мировом масштабе. Отсюда же, с учётом текущей демографической динамики, можно сделать прогноз о снижении экономического веса российского империализма. В уже процитированном докладе Кортунов пишет о том, что к 2050 году Россию по населению обойдёт Египет. К этому следует добавить и ещё более важный для России факт: тогда как её население к этому времени по прогнозам сократится до 135 млн человек, совокупное население стран Средней Азии увеличится до 94 млн – то есть через четверть века разница в населении сократится более чем на 20 млн. В этом контексте показательно заявление Дынкина о том, что *«если бы по волебству население России выросло на 50, а лучше на 100 миллионов человек, тогда можно было бы рассуждать об альтернативах миграции»*. Очевидно, его следует рассматривать как непосредственное указание Кремлю. Тот же Дынкин обращает внимание на простое экономи-

ческое правило: *«Внедрять технологии заставляет цена замещаемого труда. Если труд дешёв – нет смысла внедрять технологии»*. Именно относительно дешёвый труд наряду с эффектом масштаба производства позволяет российскому ВПК выпускать снаряды в четыре раза дешевле по сравнению с немецким концерном Rheinmetall.

Дешевизна труда, безусловно, связана с социальной пассивностью, отсутствием рабочих организаций. Наличие, с одной стороны, обширного слоя рабочей аристократии, а с другой – самоэксплуатации наёмных рабочих на собственных приусадебных участках или на подработке, например, частным извозом – сохраняют нынешний “социальный договор” и производные от него низкие заработные платы.

В то же самое время, пока рабочая сила в России – даже с учётом военного роста заработных плат в ряде секторов – остаётся относительно дешёвой, ожидать серьёзного технологического рывка отечественной экономики не приходится. А если к этому добавить санкции и другие экономические проблемы, притязания на технологический рывок на данный момент можно рассматривать как беспочвенные маниловские мечтания. Одно из них было озвучено в интервью руководителя администрации президента РФ Максима Орешкина журналу “Эксперт” 16 июня 2025 года: *«Столь низкого показателя безработицы, как в России, вы не найдёте ни в одной крупной стране мира. Показатель загрузки существующих мощностей также находится на достаточно высоком уровне. Чтобы развитие продолжалось, экономика должна сделать шаг не вперёд, а вверх, на следующую технологическую и организационную ступень»*.

И здесь стоит вспомнить об упомянутом в начале заявления президента РФ. Относительная слабость российской экономики ещё до начала полномасштабного вторжения на Украину заставляла околосредневековых экспертов рассуждать о преимуществах российской жёсткой силы в решении задач Кремля и восхвалять прекрасный мир силовой политики.

По всей видимости, подобные идеологии являются продуктом однобокого прочтения российской истории, в которой традиционно героизируются ратные “подвиги” князей, царей и генсеков. Чаше всего в этом контексте вспоминаются 1812 и 1945 годы с последующими “концертом великих держав” и ялтинским мировым порядком. При этом забывается, что первый случай завершился для России унижением Крымской войны, а второй – развалом “сверхдержавы” СССР. Очевидно, что эти *непреднамеренные результаты* экспансионистской российской внешней политики были выражением несоответствия амбиций власти имущих и реального экономического веса управляемого ими государства.

Мы не собираемся давать уроков тем, кто сидит в Кремле. Урок следует извлечь нашему классу – классу наёмных рабочих. Российское государство всегда щедро оплачивало присоединённые территории кровью и потом наших товарищей по классу. Нам также приходится платить за ошибки и поражения Кремля. Если наёмные рабочие не хотят в очередной раз оказаться инструментом в руках правящего класса, то у них нет иных альтернатив, кроме как стать автономной силой, обладающей интернационалистской революционной стратегией.

Июнь 2025 г.

1 – Ярёмченко Юрий. Экономические беседы. М., 1998. С. 124–125.

Английская бомба

Уильям Пенни (1909–1991) – учёный, руководивший разработкой английской атомной бомбы, – в 1951 году утверждал: «Решающим тестом для державы первого класса является то, создала ли она атомную бомбу, и либо мы пройдем это испытание, либо наш престиж серьёзно пострадает» (Farmelo G., “Churchill’s Bomb”, 2013).

Стратегические бомбардировки Японии

Решение сбросить бомбы на Хиросиму и Нагасаки – с их разрушительной мощностью, ставшей возможной благодаря индустриализации науки, – следует рассматривать в контексте второй мировой войны, унёсшей 50 миллионов жизней. Сегодня такое решение может показаться немислимым: как можно было решиться уничтожить столько людей за считанные секунды? Как совесть могла допустить такое? О психологической и моральной атмосфере того времени рассказывает Ричард Рудс в своей книге 1995 года “Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb”, посвящённой истории водородной бомбы.

Бомбардировщики “В-29” – четырёхмоторные самолёты, которые регулярно бомбили Японию в 1944–1945 годах – находились под командованием генерала Кёртиса Лемея (1906–1990). Военно-воздушные силы США (USAAF) должны были обеспечить окончание войны ещё до наземного вторжения. Первоначально планировалось прицельное бомбометание с большой высоты, но оно закончилось провалом. Когда “В-29” попытался разбомбить авиазавод в десяти милях к северу от Токио, бомбы упали в море, а японцы шутили: «Они пытаются нас утопить». Тогда Лемей изменил стратегию: 10 марта 1945 года он отправил на Токио 325 “В-29”, вооружённых 4,5 тоннами зажигательных бомб каждый; 22 промышленных цели и множество других неустановленных производственных объектов были уничтожены или повреждены; “сопутствующим ущербом” в ту ночь стала гибель 100 тысяч человек.

Официальная история ВВС США общается: «Материальные разрушения или человеческие жертвы превосходили таковые в Риме или во время любого из великих пожаров западного мира – в Лондоне 1666 года, Москве 1812 года, Чикаго 1871 года, Сан-Франциско 1906 года. Лишь сама Япония уже испытывала подобную катастрофу – во время землетрясения и пожара 1923 года в Токио и Йокогаме. Ни один другой авианалёт за всю войну, ни в Японии, ни в Европе, не был столь разрушительным по числу жертв и ущербу».

Факты подтверждали эффективность этой стратегии, и Лемей ночь за ночью бомбил японские города в течение всей весны и лета – до самого конца войны: 63 города были полностью или частично сожжены, сотни тысяч жителей убиты, а американцам, по словам Лемея, это обошлось лишь в 485 сбитых “В-29” и 3 тысячи лётчиков.

После войны, на одной мемориальной церемонии, курсант спросил Лемея: «Насколько моральные соображения повлияли на ваше решение бомбить Японию?». Лемей прямо ответил: «В то время меня мала заботила гибель японцев. Я думал о том, как закончить войну. Поэтому меня не слишком беспокоило, сколько людей мы убили, выполняя свою работу. Полагаю, если бы мы проиграли, меня бы судили как военного преступника. К счастью, мы оказались на стороне победителей. Все сетуют на то, что мы сбросили атомную бомбу и убили много людей в Хиросиме и

Нагасаки. Что ж, я полагаю это аморальным, но никто не говорит о зажигательных бомбардировках всех промышленных городов Японии – первая атака на Токио убила больше людей, чем атомная бомба. Видимо, это было нормально...». Затем Лемей обратился напрямую к курсанту: «Полагаю, что прямой ответ на ваш вопрос: да, каждый солдат что-то думает о моральном аспекте того, что делает. И если ты позволяешь этому мешать тебе выполнять долг – ты плохой солдат».

У истоков британского сдерживания

Лемей высказался ясно: даже если война сама по себе аморальна, хороший солдат не должен об этом думать. Для генерала ВВС использование атомной бомбы было частью обычной практики стратегических бомбардировок. Однако безграничная разрушительная сила нового оружия вызвала серьёзные политические и военные вопросы относительно его использования.

После разгрома Германии, в первое послевоенное десятилетие Великобритания приняла решение о создании собственного ядерного арсенала – в контексте конкуренции между угасающим британским и набирающим силу американским империализмом. Мы уже писали (“Пролетарский интернационализм” № 117, июнь 2024) о конце Квебекского соглашения и о законе Мак-Магона, которые привели к краху англо-американского ядерного сотрудничества.

В своей статье 1976 года “The Uneasy Alliance: Roosevelt, Churchill and the Atomic Bomb, 1940–45” Бартон Дж. Бернстайн, почётный профессор истории Стэнфордского университета, пишет, что обладая ядерной монополией, США демонстрировали нежелание воспринимать союзников как равных: атомная бомба служила не только оружием против враждебных держав, но и политическим инструментом, утверждавшим превосходство Америки над союзниками.

В начале ядерного века было не до конца понятно, как применять новое оружие: его использование было ограничено техническими возможностями эпохи. Межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и атомных подводных лодок тогда ещё не существовало, а без них стратегия “гарантированного взаимного уничтожения” (MAD) была невозможна. В книге “Independence and Deterrence” (1974) Маргарет Гоуинг, официальный историк британского сдерживания, даёт своё толкование: британский генеральный штаб сформулировал доктрину ядерного сдерживания ещё в начале 1947 года. Поскольку защита от ядерного оружия была невозможна, нападения можно было избежать, дав знать другим странам, что англичане обладают оружием массового поражения и готовы его применить.

Создание британской системы сдерживания заняло 15 лет и обошлось в 1 млрд фунтов стерлингов. Этот процесс делится на два этапа: в 1945–1952 годах были заложены основы сдерживания; в 1953–1960 годах произведено ядерное оружие и 180 бомбардировщиков и самолётов-заправщиков, что, согласно правительственным отчётам за 1958 год, составило 10 % оборонного бюджета (Mills C. and Kirk-Wade E., “The Cost of the UK’s Strategic Nuclear Deterrent”, 2023). Почему же британское правительство пошло на такие жертвы – несмотря на экономические трудности послевоенного вос-

становления и управления разваливающейся империей?

В статье 1985 года Николас Дж. Уилер, профессор международных отношений в университете Бирмингема, анализировал мотивы решения британцев (Wheeler N. J., “British Nuclear Weapons and Anglo-American Relations 1945–54” // International Affairs. Winter 1985–1986. Vol. 62. No. 1). В стратегическом видении начальника штаба ВВС Джона Слессора (1897–1979), который, по мнению Уилера, выступал архитектором британской стратегической концепции, сдерживание носило двойной характер: оно было необходимо для защиты Великобритании от возможных врагов путём устрашения, но также являлось инструментом влияния на политику американского союзника. Слессор видел политическое, а не только военное измерение ядерного оружия.

Двойственность англо-американских отношений

В 1949 году СССР провёл первое испытание атомной бомбы, что усилило мнение о необходимости создания системы ядерного сдерживания. Уже в следующем году Корейская война усугубила недоверие Великобритании к американской политике. Война стала для британцев своего рода лакмусовой бумажкой: можно ли доверять союзнику, который так слабо ориентируется в международной обстановке и способен спровоцировать конфликт с СССР из-за неправильного понимания ситуации в Азии?

30 августа 1945 года директору атомного проекта США Лесли Гроувсу был доставлен документ ВВС США под названием “Стратегическая схема ряда городов России и Маньчжурии”. Исходя из предположения о конце военного союза США и СССР и начала конфликта между ними, документ определял важнейшие приоритетные цели среди российских и маньчжурских городов. Москва с населением в 4 миллиона человек значилась как цель номер один, поскольку в ней производилось 13 % всех советских самолётов, 43 % коммерческого автотранспорта, 2 % стали и 15 % меди. Были определены 15 ключевых городов и 25 важных. В приложении к документу оценивалось, сколько атомных бомб необходимо для уничтожения каждого из них: для Москвы и Ленинграда – по шесть. Но как добраться до этих целей? Здесь вступал в силу фактор географического расстояния.

Атомная бомба для Хиросимы была сбрана на острове Тиниан в Тихом океане в 2.526 километрах от назначенной цели, что примерно соответствует расстоянию между Лондоном и Москвой. Чтобы нанести удар по СССР, были необходимы передовые базы дальних бомбардировщиков, так как расстояние между авиабазами в США и Москвой составляло более 7.500 километров. В то время ни один бомбардировщик, вылетевший с территории США, не мог бы достичь СССР и вернуться обратно.

Стратегическое командование ВВС США (Strategic Air Command, SAC) было сформировано в 1946 году и предназначалось для управления стратегическими бомбардировщиками. Во время Берлинского кризиса 1948–1949 годов американцы перебросили значительную часть своего авиапарка в Великобританию. Без британских авиабаз невозможно было бы снабжение Западного Берлина. Кроме того, ещё в годы войны стратегические бомбардировки Германии начинались именно с британской территории.

По мнению американских стратегов, Великобритания была идеальной базой и рассматривалась как атлантический плацдарм США.

В те годы – до появления МБР, темпы разработки которых отставали от темпов космической гонки, начавшейся с запуска спутника в 1957 году, – Соединённые Штаты были защищены от возможного возмездия СССР за счёт расстояния. Но Великобритания – нет, и ей могли угрожать его бомбардировщики. Именно поэтому Корейская война, происходившая далеко от Лондона, уже в 1950 году воспринималась как потенциальная угроза.

С точки зрения американцев, вмешательство Китая в конфликт было следствием прямых указаний из Москвы. Однако британский Генеральный штаб полагал, что действия Пекина определялись региональными факторами и не являлись частью агрессии СССР против Запада. Руководство Великобритании опасалось, что действия США могут спровоцировать ответный удар СССР по Британским островам, где располагались американские ядерные бомбардировщики.

Особенно беспокоил британское военное руководство вопрос, будут ли США использовать в Корейской войне атомные бомбы. Генерал Сэр Джон Слессор выражал обеспокоенность в связи с возможными действиями США: «Мы мало осведомлены о том, какую роль в стратегическом военно-воздушном планировании США должны играть самолёты, базирующиеся в нашей стране. [...] Мы не можем позволить себе оказаться в положении, когда американцы решат использовать атомную бомбу, пока мы ещё спорим, стоит ли это делать». Великобритания опасалась, что союзник предпримет шаги, на которые Лондон не сможет повлиять.

Американская неадекватность

Уилер указывает, что у Великобритании был повод для подобных опасений: во время второй мировой войны ВВС США не атаковали объекты “Фау – 1” и “Фау – 2” в Германии, – ключевую для Великобритании угрозу, – потому что для американских военных они были второстепенной целью по сравнению с уничтожением немецких городских районов. Так, по словам британского Генерального штаба, «было бы опасно, если бы Соединённые Штаты сохранили свою нынешнюю монополию, так как мы лишились бы какого-либо права влиять на их политику в использовании этого оружия». Более того, «Соединённые Штаты являются самой могущественной страной в свободном мире, но менее опытной, чем мы». Великобритания не могла допустить, чтобы США применили ядерное оружие без консультаций с союзником. Таким образом, причиной создания собственной системы ядерного сдерживания стала не только необходимость защититься от потенциальных противников, но и недоверие к американскому союзнику.

В своих выводах Уилер утверждает, что, наученные законом Мак-Магона, британцы стали воспринимать внешнюю политику США как непоследовательную и неадекватную. В начале 1954 года в Лондоне были сформулированы аргументы, которые впоследствии генерал Шарль де Голль положит в основу оборонной доктрины Франции.

Эта статья Арриго Черветто была впервые опубликована в марте 1959 года в журнале Prometeo, основанном в 1946 году Интернационалистской коммунистической партией.

В Соединённых Штатах существует целая социологическая литература, за которой необходимо следить внимательнее, чем это делается сейчас. Она основывается на методологических критериях, по сути связанных с культурной организацией господствующего класса, но при этом представляет собой важный источник данных и информации, к которым марксистский анализ должен обращаться для владения фактическим материалом. Некоторые работы этой социологической школы – например, труды Рисмена и Миллса – уже переведены в Италии и сами по себе заслуживают подробного обсуждения. Пока же мы ограничимся книгой Энса Паккарда *“I persuasori occulti”*¹, недавно переведённой издательством Einaudi.

Автор, преподающий журналистику в Нью-Йоркском университете, приводит факты о развитии новой рекламной техники, основанной на психоанализе, которая в последние годы захватила Соединённые Штаты. Согласно его тезисам, рекламу можно определить как “пятую власть” – учитывая ту важную функцию, которую она выполняет в механизме капиталистического производства, сведённом к экономическому треугольнику: высокое производство – высокая зарплата – высокое потребление. Уже сам этот подход вызывает серьёзные возражения с точки зрения марксистской политэкономии, но, с другой стороны, книга не претендует на экономическую теорию и ограничивается надстроечной проблематикой.

Поэтому мы проследуем за автором в сферу потребления и возникающей из неё новой потребности во всё более совершенной рекламе. Поиск экономических причин нового рекламного феномена у Паккарда отличается заметной добросовестностью и куда большей осведомлённостью, чем у новых отечественных теоретиков неокapитализма.

В 1955 году производство потребительских товаров в США достигло рекордных высот: с 1940 года национальное производство выросло на 400 %, а производительность труда за час работы удваивалась в среднем каждые 25 лет. Возникла объективная необходимость максимально расширить потребление.

По сравнению с 1940 годом средний американец – мы позже увидим, что стоит за этим социологическим клише с точки зрения статистики и социальной структуры – имел в пять раз больше “дискреционных долларов” (т. е. денег, остающихся после покрытия расходов на жизнь и воспроизводство). С другой стороны, 40 % производства потребительских товаров больше не отвечали немедленному и срочному спросу со стороны потребителей, и, если бы все эти “дискреционные доллары” не были бы потрачены на потребление, возникала бы угроза кризиса перепроизводства.

Индустрия потребительских товаров была вынуждена ещё больше “стимулировать” рынок. Так, в 1955 году в рекламу было вложено ошеломляющее количество средств – 9 миллиардов долларов, или 55 долларов на каждого жителя (что, добавим, эквивалентно годовому доходу на душу населения в некоторых отсталых странах). Рост объёмов рекламы колоссален: в 1950 году на неё было потрачено 6 миллиардов долларов, в 1954-м – уже 8 миллиардов. Капиталистическая машина производства должна работать без остановок и без цели. Ожидать естественного износа товаров уже нельзя. Было изобретено “психологи-

ческое старение”. Прежняя рекламная техника, основанная на логических доводах и аргументации, устарела.

«Ещё одним очень серьёзным обстоятельством, подтолкнувшим американскую промышленность к созданию новых и более мощных средств убеждения, стала стандартизация производственных процессов и вызванное ею растущее сходство между продукцией различных фирм» (стр.30). Средства производства стали стандартизированными, продукты – похожими: даже формально рушится миф о псевдосвободе потребительского выбора.

Возникает “мотивационное исследование” (МИ), т. е. методика, анализирующая поведение потребителя по отношению к товару с учётом подсознательных уровней человеческой психики.² Верховными авторитетами здесь становятся теоретики Эрнест Дихтер и Луи Ческин; возникают институты, исследования, агентства, журналы, книги, специализированные брошюры по МИ. Кадры набираются из числа технических специалистов, социологов, частных психологов или университетов. 33 % крупнейших компаний, включая General Motors и General Foods, поручают своим рекламным агентствам проводить МИ-анализ, а журнал *Fortune* подтверждает, что из 260 миллиардов долларов, потраченных потребителями в 1955 году, половина пришлось на те отрасли промышленности, которые используют методы мотивационного исследования.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что данное явление – не столько “мода”, сколько тенденция, прочно укоренившаяся в экономическом базисе. Это, на наш взгляд, самый важный аспект из работы Паккарда, подтверждающий марксистскую концепцию, согласно которой именно производственные отношения определяют надстроечные формы, социальную организацию и даже повседневные привычки. Эта концепция становится всё более прозрачной и решительно очищает почву от всех тех предубеждений, которые хотели свести её к некоему детерминизму, по мере того как капиталистическая система производства достигает своего высшего, монополистического уровня.

Господство экономики становится абсолютным и явственно пронизывает каждое проявление общественной жизни. Всё становится “рыночным”, всё должно соответствовать – или уже соответствует – требованиям рынка и производства. Процесс такого “прояснения” капиталистической системы принимает настолько гротескные и иррациональные формы, что не понятно – плакать над ними или смеяться. Это абсурд, помноженный на абсурд.

Чтобы поддерживать производство, основанное на объективных законах, иррациональных по отношению к реальным общественным потребностям, приходится использовать рациональные научные инструменты, направленные на анализ и эксплуатацию иррациональных элементов человеческой психики. Явление, свидетелями которого мы становимся в условиях загнивания капитализма, есть высшее выражение противоречий, на которые обречено американское общество – в силу выживания производственной системы, жестоко противостоящей самим производительным силам. Развитие науки, сопровождавшее техническое развитие капитализма, расширило горизонты и углубило специализацию научного знания, заметно обогатив понимание самого человека.

Типичным примером этого является психология: получив мощный импульс от материалистической школы Павлова с её знаменитой теорией условных рефлексов, она сделала важные шаги к научной достоверности и с трудом осво-

бождается от своего прежнего примитивного “идеологизма”.

Мы не компетентны в этой области и, кроме того, не готовы принять на веру обширный фактический материал, который Паккард приводит в качестве примеров использования психологии в рекламной технике. Дело не в том, что это опровергало бы наши выводы о современных характеристиках капитализма, – напротив, они в полной мере находят здесь подтверждение; однако в целом мы считаем, что в результатах рекламы присутствует определённый “блеф”, и прежде всего – что психология, как очень молодая наука, всё ещё подверженная самым разнообразным внешним и ненаучным влияниям, ещё не достигла той степени научной строгости, которую другие области уже продемонстрировали на практике.

Если максимально упростить наше наблюдение, можно сказать: тогда как изучение нервно-мозгового механизма внесло огромный вклад в понимание поведения и создало прочную структурную основу для психологии, то этого нельзя сказать о некоторых теориях психоанализа, которые – по свидетельству автора – легли в основу рекламных приёмов. Таким образом, на наш взгляд, имеет место определённая переоценка психоанализа как базы мотивационных исследований и, следовательно, переоценка самих МИ, рекламной техники и, наконец, их практических результатов. Более того, сам автор считает необходимым выразить определённые сомнения и оговорки по этому поводу.

Однако факт остаётся фактом: тенденция состоит в максимальном использовании научных знаний – на том уровне, которого они достигли – о мозговом механизме в интересах капиталистического производства и торговли. Более того: как мы увидим, эти знания используются в целях сохранения классов и политического господства. И здесь проблема становится очень важной для марксистского анализа и для самой революционной борьбы.

Развитие научного знания о работе мозга и его последующее использование аппаратом правящего класса действительно идёт параллельно с ростом производительных сил и с созреванием объективных условий общего кризиса капитализма, но верно также и то, что эти своеобразные аспекты развития не должны отходить на второй план – напротив, революционная марксистская критика должна их тщательно отслеживать, взвешивать и анализировать.

Так или иначе, сам факт – сколь бы сложным он ни был – наличия этих аспектов в практической, реальной форме уже сам по себе является стимулом, вынуждающим отказаться от удобных и поверхностных упрощений. Отношение базиса и надстройки, как учит марксизм, постоянно обогащается новыми и оригинальными чертами, что не затрагивает принципа приоритета базиса – более того, в данном случае он только подтверждается, – но требует более глубокого конкретного анализа как отдельных аспектов, так и их взаимосвязей.

В данном случае речь идёт о необходимости следить за тем, как постоянно меняются формы, в которых социальная реальность проявляется в общественном сознании в стране с развитым капитализмом, такой как США, в стране, которая объективно представляет собой модель для подражания для многих западных стран, уже затронутых рядом проявлений “американизма”. В конечном итоге речь идёт не столько об описании экономических причин “американского образа жизни” – они очевидны, – сколько об изучении его действия и его внутренних последствий, делающих его не только способом материального существования,

но и мировоззрением, здравым смыслом, мелкой политикой, навязанной трудящимся массам правящим классом.

Если учесть, что многие из тех аспектов, которые мы находим в США, уже имеют место в некоторых районах Италии, а через несколько лет их действие только расширится, – то очевидно необходимость преодолеть поверхностное представление об этих процессах. В противном случае мы столкнёмся с социальной реальностью и проявлениями общественной жизни, о которых не задумываются ни околоромантический псевдомарксизм, ни самый невежественный мелкобуржуазный обличитель. Один будет яростно искать “старое”, другой – падать в обморок от “нового” – и оба будут неспособны понять диалектическую связь старого и нового, которая характеризует социальные классы по их положению в производственном процессе, а не по цвету рубашки и определённым формам жизни.

Чем глубже революционный марксизм проникает в исторически сложившиеся формы сложного взаимодействия базиса и надстройки, тем надёжнее он овладевает ключами к интерпретации конкретной фазы, к пониманию того, как капитализм идеологически поработает пролетариат, и, наконец, к практическому действию – призыву, побуждению, пробуждению и направлению объективно революционных сил в общественных трансформациях.

То, что капитализм может использовать инструменты научного знания для воздействия на мозги пролетариата, может быть лишь констатацией. Важно знать этот факт, изучать, почему и как это происходит, оценивать в рамках революционной стратегии, какие силы и в какой степени это смещает в балансе классовой борьбы. Ведь даже такая форма капиталистического господства, как “американский образ жизни”, возникла не случайно и не стала внезапным озарением правящего класса, а является продуктом исторического и экономического развития и, можно сказать, производительных сил.

Паккард ссылается на работу, которая может дать нам некоторое представление об этом: “Социальные классы в Америке” Ллойда Уорнера. Уорнер делит американское общество на шесть классов по критерию, учитывающему доход, социальные привычки и потребление. Эта классификация, конечно, представляет для нас ценность только в плане очерчивания социальных зон по потреблению.

Итак, мы узнаём, что слои, состоящие из представителей высшей буржуазии, специалистов, руководителей и владельцев средних предприятий, составляют – с коммерческой точки зрения – 15 % всего населения; служащие, коммерсанты, квалифицированные рабочие составляют 65 %; чернорабочие и неассимилированные меньшинства с низким уровнем дохода – 20 %. Те самые 65 % потребителей, которые Уорнер называет неподходящим термином “средний класс”, тогда как на деле значительную их часть составляет пролетариат, становятся основной мишенью маркетологов, которые обобщённо называют их “миссис Среднее Большинство”. В этом образе воплощён “типичный американец”, под которого выстраивается вся структура потребления. Но даже этот факт – лишь показатель масштабов процесса пролетаризации, за которым неизбежно следует нивелирование материального и интеллектуального потребления, от холодильника до телевизора.

Было бы морализмом, свойственным некоторым мелкобуржуазным интеллектуалам, отказываться видеть диалектическую сторону общественного устройства, выравниваемого под паровым катком экономических законов ка-

наука о бизнесе

питализма. Это означало бы замкнуться в той самой “башне из слоновой кости” или ругать абстрактную “современную жизнь”, которая своими массовыми инструментами оболванивает, усредняет и выравнивает “народ-вола”³, безвозвратно потерянный в стремительном беге к пугающей “цивилизации термитов”. Несомненно, многие проявления общественной жизни при нынешнем капиталистическом режиме имеют те черты, на которые жалуются “моралисты”, и не нам, сторонникам социалистической концепции универсального человека, отрицать это.

Но, как всегда, нужно уметь видеть обе стороны явления. Под общим термином “достаток” скрывается фундаментальная пружина классовой борьбы, та непреодолимая сила, которая движет угнетённым классом к удовлетворению своих самых непосредственных желаний. Без этой мощной тяги к “достатку” мы имели бы совсем другую историю человечества. Поэтому определённые формы так называемого процветания являются результатом классовой борьбы, а не “изобретением” капитализма, который, в сущности, лишь приспособливается к уровню торга на рынке рабочей силы – где всё определяется точными соотношением сил – и максимально использует сложившуюся ситуацию.

Таким образом, “благополучие”, рождающееся на определённой стадии классовой борьбы, становится, если оно не подкреплено теоретическим и политическим сознанием пролетариата, оружием в руках капитализма – не только потому, что оно является питательной средой для реформизма, но и потому, что оно превращается в порочный круг без цели и без решения. “Достаток” ради “достатка”, “потребление” ради “потребления”. Холодильник, телевизор, прошлогодний автомобиль устаревают не потому, что пришли в негодность, а потому, что реклама “психологически” состарила их, то есть убедила рабочего и служащего заменить их, взяв новый товар в кредит. Так же и с сигаретами, моющими средствами, жильём, бюстгалтерами и т. д. Цвет, секс, дружба, тщеславие и тысяча других вещей подвергаются вивисекции и используются в коммерческих целях.

Но этим дело не ограничивается: существует техника “воздействия на подсознание”. Вы сидите в кинотеатре, как вдруг вас охватывает жажда – и вы покупаете кока-колу. Произошло это потому, что жажда была вызвана определёнными стимулирующими сигналами, которые вспыхивают на экране на доли секунды – настолько быстро, что вы их не осознаёте.

Существует и нечто большее – “биоконтроль”. «Биоконтроль – это новая наука, которая управляет психическими процессами, эмоциональными реакциями и восприятием с помощью биоэлектрических сигналов» (стр. 244). То есть, по мнению теоретиков биоконтроля, человеческим мозгом можно управлять, как ракетой, – с помощью электродов, которые с рождения помещаются под кожу и на которые посылаются биоэлектрические сигналы с помощью передатчика, принимающего также и сигналы систем восприятия.⁴

Мы не знаем, была ли эта “нео-ракета” уже запущена. Однако, по свидетельству автора, нечто подобное биоконтролю уже применялось в ходе президентских выборов 1956 года, когда избирался Эйзенхауэр. Как и в торговле, использование психологических манипуляций в политической сфере не является чем-то новым. Но до 1950 года “скрытые увещатели” не обращали своего внимания на мир политики. Используя теории Павлова (условные рефлексы), Фрейда (отцовский образ), Рисмана (избиратель как зритель-потребитель политики), анализ массового рынка, они перенесли новые

рекламно-психологические приёмы в политику и «с президентской кампанией 1956 года внесли поразительные изменения в американскую политическую жизнь».

Их анализ показал, что: 1) «можно было с поразительной точностью предсказать, за кого проголосует сомневающийся гражданин»; 2) «избиратели не давали никаких гарантий, что они будут вести себя рационально. В их выборе всегда присутствовал нелогичный элемент»; 3) «растущее значение личностного фактора в американской политической жизни, своего рода культ личности»; 4) «американцы начинают воспринимать политику как разновидность потребления»; 5) «влияние упаковки» – люди голосуют за того, кто «лучше выглядит», а не за программу или идеи (стр. 194).

Вряд ли можно найти более выразительную иллюстрацию буржуазной демократии и парламентаризма! Сколько воды утекло с тех пор, как старые либеральные теории, пряча классовую диктатуру за слезливым туманом “воли народа”, сочиняли свои скучные трактаты! Их внуки, по крайней мере, жестоко честны: “воля народа” – это не более чем рынок, который нужно завоевать.

Крупное рекламное агентство Batten & Comranу руководило президентской кампанией старого Айка. Оно вывело его на рынок как товар, как бюстгалтер Х или хула-хуп. Кампания была организована безупречно: крупные планы лица, улыбки, короткие телевизионные обращения после шоу с участием Фрэнка Синатры. Опираясь на колоссальные каналы массовой коммуникации (1800 ежедневных газет, 10.000 еженедельных газет, 100 миллионов радиоприемников, 12 миллионов телевизоров), “скрытые увещатели” из сферы PR устроили “величайшее шоу на земле”.

Это был триумф Batten & Comranу и Эйзенхауэра. Потерпевшему поражение Эдлау Стивенсону, запоздало осознавшему ценность новых рекламных технологий, не оставалось ничего, кроме ехидной злобы. «Тот факт, что вы пытаетесь продавать кандидатов на высшие государственные посты, как будто они зубная паста... представляет собой крайнее унижение демократического процесса» (стр. 208).

Совет неокapиталистам и нашим последователям “скрытых увещателей”, уповающим на демократический путь к социализму: учитесь у Стивенсона, если не хотите читать Маркса, обновите Конституцию и готовьте следующие выборы под слоганом “улыбки Durban’s”⁵. Или, если хотите быть немного честнее, то последуйте за профессором Мичиганского университета Кеннетом Боулдингом, который признаёт, что «вполне можно представить себе мир, в котором господствует невидимая диктатура, но при этом сохраняются внешние формы демократического правления» (стр. 189).

Это признание, исходящее от искреннего и авторитетного представителя буржуазной культуры, могло бы стать отличным резюме к книге и выразительным финалом, если бы не осталась ещё одна важная тема, поднятая Паккардом в главе “Свободное предпринимательство и командная работа”. Автор отталкивается от теории Рисмана, согласно которой частное и общественное поведение американцев из самонаправленного превратилось в гетеронаправленное, то есть подчинённое нормам социальной группы, к которой они принадлежат. На наш взгляд, в этом направлении следует изучать не только формы “неототалитаризма”, но и некоторые черты социалистического коллективизма, который зреет в американском обществе. Как и в случае с феноменом “благополучия”, здесь также нужно выявить диалектические – позитивные и негативные – стороны.

Об этом нам говорит Уильям Х. Уайт, когда на страницах *Fortune* пишет: «В стране,

где индивидуализм – независимость и автономия – был лозунгом на протяжении трёх столетий, незаметно пришли к выводу, что человек не имеет собственной ценности иначе как через принадлежность к группе».

После краха мифа о “народной воле” мы имеем дело с мифом об индивидууме. Индивидуализм на протяжении веков был движущей идеей буржуазной идеологии, вдохновлявшей её художественный расцвет, её рационализм, служившей тараном против феодально-корпоративного порядка, освободившей огромные массы крепостных для превращения её в рабочую силу, ставшей стимулом экономического строительства, миром капиталистических пионеров, новаторской философией масс. Это была прогрессивная идея, потому что именно она создала современное общество.

Но по мере того, как это общество достигает пика своего развития и приходит к монополистическому, концентрированному экономическому базису, раздраемому глубоким противоречием между обобществлением производства и частным присвоением прибыли, индивидуализм разрушается, и возникает новая форма общественной жизни – всё ещё запутанная и хаотичная. Ещё нет чувства коллективизма, но уже есть “командная работа”. Мелкобуржуазные “моралисты” напрасно громят всё ещё хаотичные и первобытные проявления “коллективизма”; они обрушиваются на “потерянное” поколение, стилинг, голубые джинсы, разрушенное чувство семьи и т. д.

На стр. 211 автор, напротив, объясняет потенциальную “коллективную” потребность на примере детей: «Команда здесь чрезвычайно важна... ребёнок сомневается в том, что он может в одиночку справиться с ситуациями, которые, однако, решаемы его шайкой или командой».

Развитие капитализма также оставляет в прошлом ограниченность одним индивидуальным решением. В мире, где господствует механизм социальных групп, новые поколения – а автор говорит об этом и применительно к взрослым рабочим, вступающим в профсоюзы – находят свою первую, элементарную защиту в “командной игре”, подстраивают свою личность под коллектив, и отсюда рождается новый тип личности, называемый “гетероуправляемым”. Какой хороший урок могли бы извлечь, если бы были на это способны, почитатели “Человека” и вечной индивидуальности, которые постоянно выступают против нашего нынешнего детерминизма! Они не понимают, что человек и личность – это исторический продукт. Вместо того, чтобы гоняться за абстрактными моделями, им следовало бы изучить подлинное богатство формирующегося типа гетероуправляемой личности – нового способа человеческого существования.

На наш взгляд, этот новый тип личности соответствует психологическим предпосылкам коллективизма, имеющим прочную основу в природе вида человека как социального животного. Психологическая наука под влиянием капиталистических требований открывает коллективистскую природу человека, которую буржуазная индивидуалистическая идеология с её ложными банальностями изгоняет. Психология и кибернетика – в той мере, в какой эта наука опирается на изучение нейронов, – заставляют нас наконец взглянуть в зеркало. Поразительно, что это явление началось в Соединённых Штатах, то есть именно там, где капитализм-индивидуализм достиг своего максимального развития, заложив материально-психологический фундамент коммунизма и революции, которая пролагает к нему путь.

Перед лицом масштабных проблем современной социальной и экономической

жизни человек оказывается принуждён к “командной игре”. Для индивидуальной инициативы больше нет места; исторически индивидуализму пришёл конец. Индивид больше не может действовать в одиночку и снова становится членом команды, от которой он черпает новые силы. Неважно, что пока эта “командная игра” принимает неупорядоченные и негативные формы. Важна лишь тенденция.

Но гораздо серьёзнее то, что капитализм использует эту тенденцию в целях сохранения существующего порядка, что он эксплуатирует чувство команды, чтобы тысячами способов интегрировать рабочих и служащих в производственный процесс и сформировать их психологию и здравый смысл таким образом, чтобы не дать взорваться не только экономическим, но и психологическим противоречиям, которые с особой остротой порождаются современной механизированной и автоматизированной производственной техникой. “Социальные инженеры”, по сути, используют “командную игру” – это новое стремление каждого отдельного работника чувствовать себя частью рабочего коллектива и в гармонии с ним, – чтобы привить новый тип конформизма не только на производстве, но и в сфере частной жизни. Конформизм по отношению к семье-фабрике – это, в руках “социальных инженеров”, оружие шантажа по отношению к рабочему, граница, за которой – изоляция, асоциальность, пустота.

Перед нами в наглядной форме драматический пример известной марксистской теории о столкновении производительных сил и производственных отношений. Драматический пример потому, что в эту фазу столкновения втянуто всё общество, а вместе с ним и сознание отдельного рабочего. В то время как производительные силы уже выражают коллективистские потребности и формы жизни, производственные отношения всё ещё выражают индивидуалистическую мораль и всё ещё детерминируют индивидуальные материальные потребности, привязанные к заработной плате. Отсюда огромные противоречия и моральный дисбаланс новых поколений. Монополистическая буржуазия использует коллективные тенденции в своих интересах, приспособливает “командную игру” к своей системе, использует научные знания о человеке для гигантского психоидеологического давления и объединяет все свои усилия в самой научной – и в то же время самой зверской – форме тоталитарной диктатуры: в подлинном, жёстком и единственном тоталитаризме, который представляет собой империалистическая стадия капитализма.

1 – Оригинальное название “*The Hidden Persuaders*” (“Скрытые увещатели”).

2 – Идея подсознательного (сублиминального) воздействия в рекламе, появившаяся в 1950-х годах, вскоре потеряла значение из-за ограниченности её практического эффекта.

3 – Выражение “народ-вол” было использовано Антонио Грамши для обозначения той части населения, которая, несмотря на огромную потенциальную силу, остаётся пассивной, легко манипулируемой властями, и принимает то, что ей навязывает правящая “элита”.

4 – Данные представления о “биоконтроле” отражают научные ожидания середины XX века, которые впоследствии не получили широкого практического подтверждения.

5 – Durban’s – это торговая марка линии зубных паст, зубных щёток, ополаскивателей для полости рта и других средств гигиены полости рта, производимых в Италии с начала 1960-х годов группой Bonomi. Рекламный слоган “Улыбка Durban’s” стал настолько популярным, что вошёл в обиход итальянского языка.

Анархистские корни испанского интернационализма

Многое написано о причинах осознания влияния анархизма на испанское рабочее движение. Часто в качестве простого объяснения указывают на промышленную отсталость, а то и на сохранявшиеся в Испании конца XIX – начала XX века ярко выраженные феодальные черты.

Между тем, заметки Маркса 1854 года об истории Испании, не отрицая наличия феодальных пережитков, направляют исследование в иное русло – к анализу процесса останковки и разложения преждевременно начавшегося товарного и буржуазного развития.

Недостаточность экономического объяснения

Остаётся рассмотреть проблему промышленной отсталости, которая предполагала отсутствие или слабость крупных рабочих концентраций и, как следствие, социальное преобладание городской и сельской мелкой буржуазии. Эти социальные факторы, несомненно, отразились и на положении ремесленников-рабочих – первопроходцев испанской рабочей партии. Однако такой вопрос необходимо рассматривать с диалектических позиций.

Арриго Черветто в рецензии на книгу Энцо Сантарелли “Анархистский социализм в Италии” оспаривает упрощённую трактовку, согласно которой либертарианские течения рассматриваются исключительно как проявление отсталости: *«Можно ли ставить вопрос о соотношении базиса и политического движения в подобных терминах? Истину нельзя делить надвое. Сказать, что анархизм является выражением отсталого базиса, даже если это и правда, – значит ничего не сказать, если мы не свяжем частное “анархистское” явление с общим явлением. В противном случае может возникнуть огромное количество возражений. Почему анархизм имел больший успех во Франции, чем в Греции? И почему в Испании он был более популярен в промышленной Каталонии, чем в отсталой Эстремадуре? На этом уровне можно построить запутанную казуистику (где, как мы увидим, и в Италии встречаются мелкобуржуазные и ремесленные районы с преобладанием социалистов, а также рабочие районы с преобладанием анархистов, и наоборот), но не серьёзный анализ. Процесс пролетаризации, сопровождающий капиталистическую индустриализацию, – это болезненное, полное противоречий явление, а политическое сознание является его “отражением”, также развивающимся противоречиво и диалектически»¹.*

Для Черветто две стороны вопроса означали, что «историческую реальность анархизма» невозможно понять, не связав её с «исторической реальностью реформизма»; анархизм стал реакцией на реформизм – на протяжении многих лет в Италии именно анархизм был единственной формой «революционной критики» реформизма.

Но вернёмся к темпам испанского капиталистического развития. Мануэль Туньон де Лара в своём труде об истории испанского рабочего движения описывает страну, которая во второй половине 1850-х годов переживала период глубокой трансформации. К концу десятилетия численность населения значительно превысила 15,5 млн человек, 50 % из которых были моложе 25 лет, а 5,5 млн – моложе 15 лет. Рост численности сопровождался заметными изменениями в социальной струк-

туре, обусловленными процессами индустриализации и пролетаризации.

Одним из объективных показателей процессов пролетаризации является урбанизация. По мнению Туньона де Лары, именно в эти годы в Испании началась «настоящая урбанизация». В 1857 году население Мадрида достигло 281 тысячи человек, Барселоны – более 183 тысяч, Севильи – 112 тысяч, Валенсии – 106 тысяч.

К урбанизации следует добавить разложение крестьянства. Хотя, по современным оценкам, 67 % активного (мужского) населения по-прежнему было занято в сельском хозяйстве, тем не менее большую часть сельского населения (более 2,3 млн человек) составляли сельскохозяйственные рабочие. Численность занятых в промышленности, горнодобывающем деле и на железных дорогах едва превышала 200 тысяч человек.

Тем не менее в 50-е и 60-е годы развитие было очень динамичным. Хотя крупные железнодорожные сооружения и тяжёлая промышленность, сосредоточенная в основном в Астурии, всё ещё находились в зачаточном состоянии, каталонская текстильная промышленность достигла стадии полного развития. В 1857 году число промышленных рабочих в Барселоне превышало 52 тысячи человек (примерно 30 % всего населения города).

Мелкобуржуазная идеология рабочего класса

Даже если признать относительную промышленную отсталость одним из факторов, повлиявших на анархистский характер истоков испанского рабочего движения, она всё же не может считаться решающей для понимания сути этого явления.

Даже индустриализирующаяся Германия 1830-х и 1840-х годов всё ещё сохраняла черты того, что Марксом и Энгельсом было названо «скрытый пролетариат»². Однако именно здесь в 1848 году зародился Союз коммунистов, лидерами которого были исключительно рабочие-ремесленники. Одно дело определять анархизм как «мелкобуржуазную идеологию рабочего класса», другое дело – механически сводить его социальную базу во всех случаях к мелкобуржуазным слоям.

Как подчеркнул Черветто, Каталония с её центром в Барселоне стала колыбелью испанского анархизма. Но именно в этом регионе индустриализация начала активно преобразовывать социальную структуру страны уже во второй половине XIX века, что свидетельствует о гораздо более сложной основе анархистского движения.

Пи-и-Маргаль: испанский Прудон

Предшественником испанского анархизма был Франсиско Пи-и-Маргаль. Он родился в Барселоне в 1824 году в мелкобуржуазной семье. Будучи скромным банковским служащим, он был поражён работами Пьера-Жозефа Прудона (тогда неизвестного в Испании). В 1854 году вышла первая книга Пи-и-Маргаля “La Reacción Y La Revolución”, которую, по словам английского историка Джеральда Бренана (“Storia della Spagna. 1874–1936”), можно считать «вехой в истории испанской политической мысли», несмотря на поспешность её написания и «поверхностность многих идей». Основная

тема книги – «несправедливость власти», а единственный способ ей противостоять – федерализм, или, как только начинали тогда говорить, анархия. Так анархистские мифы Прудона начал проникать в социальную ткань городской Испании, состоявшей в то время в основном из мелкой буржуазии и ремесленников-рабочих, находившихся в процессе пролетаризации.

Для Пи-и-Маргаля «каждый человек, осуществляющий свою власть над другим человеком, является тираном». Единственное решение – федерализм: *«Революция [...] – это идея справедливости [...]. Она разделяет власть количественно, а не качественно, как это делают конституционалисты [...]. Она атеистична с религиозной точки зрения и анархична в политике: анархична в том, что рассматривает власть как преходящую необходимость, атеистична потому, что не признаёт никакой религии, признавая их все»*. Путь, по которому, по мнению Пи-и-Маргаля, должна идти Испания, чтобы излечиться от своих недугов – насилия власти, коррупции элит, произвола военных, – заключался в следующем: *«Поскольку я не могу обойтись без избирательной системы, я сделаю всеобщее избирательное право обязательным. Поскольку я не могу обойтись без верховных магистратов, я буду менять их как можно чаще. Я разделю и распределю власть, я изменю её формы и продолжу её разрушать»*. Прудонистская структура тезисов Пи-и-Маргаля более чем очевидна. Можно лишь добавить следующее: в то время как во Франции Прудон предлагал порвать с традицией монархической централизации, в Испании мысль Пи-и-Маргаля устанавливала полную преемственность с политической историей его страны. Испанские анархисты просто возьмут эту систему у Пи-и-Маргаля, радикализировав её с помощью буйной и громкой риторики Бакунина.

Миссия Джузеппе Фанелли

Международное товарищество рабочих (I Интернационал) было основано в 1864 году. С самого начала «реальными силами» этого кратковременного расцвета стали английский тред-юнионизм и французский прудонизм, тогда как немецкий лассальянский социализм и русское народничество оставались на второстепенных позициях. Что касается Испании, то она, как и Италия, оставалась на заднем плане, выйдя на сцену лишь после поражения Парижской коммуны, то есть как раз тогда, когда МТР начало катиться под откос.

В октябре 1868 года в Испанию прибыл инженер Джузеппе Фанелли (1827–1877), бывший мадзинист и гарибальдиец, депутат Королевства Италия и эмиссар Михаила Бакунина. Хотя он представился испанцам как делегат Интернационала, на деле он действовал прежде всего от имени Альянса социалистической демократии – тайной организации, основанной Бакуниным. В Мадриде Фанелли познакомился с рабочими-типографами из Fomento de las Artes – прудонистского рабочего кружка, следовавшего федерализму Пи-и-Маргаля. Его речь произвела глубокое впечатление: он говорил на французском, которого почти никто из слушателей не знал, но в интонации быстро переходил «от нот гнева

и угроз в адрес тиранов и эксплуататоров» к тонам «сожаления и утешения, когда он говорил о страданиях эксплуатируемых» (Д. Бренан, там же). За один вечер он привлёк молодых печатников на свою сторону. Единственная проблема состояла в том, что испанцы считали, что они присоединяются к МТР, хотя на самом деле они присоединялись к секте Бакунина. Недоразумение сохранялось до тех пор, пока не произошёл открытый раскол между МТР и бакунистами. Таким образом испанские неопиты анархизма часто смешивали в своей пропаганде “Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих” 1864 года Маркса, бакунистские принципы и федерализм Пи-и-Маргаля, не осознавая, в какую очевидную путаницу они погружаются.

Интернационал и испанские анархисты

Наибольшего успеха миссия Фанелли достигла в Барселоне, рабочие которой стали движущей силой МТР в Испании. Однако фактом остаётся то, что все контакты испанцев шли через Бакунина, и что реальная организация Интернационала в Испании по сути была лишь фантомом, за которым скрывался Альянс социалистической демократии.

19 июня 1870 года в Барселоне состоялся многолюдный рабочий конгресс: в нём приняли участие 90 делегатов, представлявших 150 рабочих обществ из 36 различных населённых пунктов. В собрании участвовали представители различных направлений: кооперативисты, федералисты-республиканцы и члены бакунистского Альянса. Именно последние, наиболее организованные и решительные, сумели навязать свои позиции и взять руководство в свои руки. В одной из принятых резолюций говорилось: *«Полагать теперь, что политическое государство может служить плацдармом для коллективизма, – значит полностью игнорировать происхождение власти, какова бы ни была её форма. [...] Государство – это машина, чьё непрерывное воспроизводство привилегий может породить лишь новые привилегии»*.

Иными словами, конгресс отверг политическую борьбу как таковую, а вместе с ней и любую форму завоевания политической власти рабочим классом. Это означало отказ от участия в выборах, от любых усилий по проведению социальных реформ, от борьбы за демократическую республику и даже от формирования классовых союзов для достижения этих целей.

Героическая, но обречённая на поражение борьба Парижской коммуны привела в Испанию не только новых членов, но также и мощную волну репрессий. После Лондонской конференции Международного товарищества рабочих, состоявшейся в сентябре 1871 года, испанцам пришлось иметь дело с продолжающимся расколом внутри Интернационала. В конечном итоге они массово последовали за Бакуниным, что было неизбежно.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 2: Il ciclo italiano. Milano: Lotta Comunista, 2017.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 75.

Военная промышленность и европейская оборона

Производители оружия ждут у кассы

Шведский стартап Einride, разрабатывающий беспилотные грузовики, планирует разместить свои акции на бирже Уолл-Стрит. По данным *Financial Times*, чтобы упростить привлечение инвестиций, компания намерена позиционировать себя как оборонное предприятие, способное доставлять военную технику на передовую. В окрестностях завода боеприпасов Rheinmetall в Унтерлюсе доносятся отдалённые звуки. Как иронизирует *Der Spiegel*, неясно, исходят ли они из расположенного поблизости полигона или же из кабинетов руководства, где открывают шампанское. Генеральный директор Rheinmetall заявил *The Economist*, что всего три года назад оборонные компании считались *schmuddelkinden* – “грязными сорванцами” на промышленном дворе, а сегодня они стали самым динамичным сектором.

Европейский империализм запустил масштабный план перевооружения. Одновременно создаются инструменты, призванные её поддержать – в частности, финансовые (как на уровне ЕС, так и национальные), – а также запущена беспрецедентная медиакампания. Говорится, что война может начаться в течение пяти ближайших лет, а новости разбавляются примерами из истории, призванными нормализовать в глазах читателя явления, на деле означающие резкое ускорение исторического процесса. Часто используется аргумент о контрциклической природе военного производства.

Оружие и рост

Институт Килиа недавно опубликовал исследование под названием: “Пушки и рост: экономические последствия наращивания оборонных расходов”. В нём говорится, что европейский ВВП может ежегодно расти на 0,9–1,5 %, при условии, что правительства увеличат расходы на оборону с 2 % до 3,5 % ВВП (именно такую цель планируется утвердить на следующем саммите НАТО) и увеличат закупки европейского оружия. Это исследование было прямо упомянуто в письме, которое немецкие ассоциации оборонной и аэрокосмической промышленности направили национальному правительству.

В таблице ниже приведены данные НАТО о расходах за последние десятилетия. Ведущие европейские страны с трудом достигают цели в 2 % ВВП, но бросается в глаза рост доли, приходящейся на закупку вооружений. Франция и Великобритания – ядерные державы – и ранее имели высокие показатели по этой статье, в то время как другие страны удваивают или утраивают предыдущие обязательства. Лишь часть этих расходов попадает в карманы европейских производителей,

которые, тем не менее, демонстрируют значительный рост, что подтверждает таблица SIPRI. Ниже мы рассмотрим некоторые компании из представленного списка.

Военно-морской сектор: европейское исключение

Fincantieri в партнёрстве с Leonardo приступила к строительству первого из двух новых фрегатов FREMM EVO, специально приспособленных к использованию дронов и защите от них. Генеральный директор Пьерроберто Фольджеро рассчитывает удвоить выручку от военного сектора до 6 миллиардов евро к 2027 году, ориентируясь на рынки Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. В прошлом году итальянское правительство выдало лицензию на экспорт двух патрульных кораблей в Индонезию на сумму 1,2 миллиарда евро. Тем временем Fincantieri создала совместное предприятие с EDGE из ОАЭ, которое будет строить корабли в основном для стран, не входящих в НАТО, а также участвует в строительстве фрегатов “Constellation” для ВМС США и четырёх новых подводных лодок U212 NFS для итальянского флота.

Немецкий производитель подводных лодок TKMS, вероятно, получит финансовую помощь от банка KfW, верфи Lürssen и, как пишет Handelsblatt, от Rheinmetall, у которой сейчас есть соответствующие ресурсы. Позже в капитал компании также может войти Fincantieri, которая сотрудничает с ней десятилетиями. TKMS имеет заказ на 12 подводных лодок для ВМС Германии и Норвегии, но она проиграла французской Naval Group тендер на 4 подводные лодки для Нидерландов. Naval Group подсчитала, что в мире сейчас проходит 13 тендеров на производство подводных лодок с обычной двигательной установкой, в которых она будет участвовать, часто конкурируя с TKMS.

Naval Group также заявляет, что готовятся тендеры на поставку в общей сложности 13 новых фрегатов для ВМС Норвегии, Дании и Швеции. Компания намерена сделать ставку на скорость: у неё уже есть план, позволяющий сократить сроки постройки и обеспечить поставку двух, а затем трёх кораблей в год.

Le Figaro пишет: «Существует европейское военно-морское исключение, которое сегодня становится фактором силы», а именно: «Европа не разоружена, она сохранила верфи и компетенции [...] Старый Свет покупает то, что “Сделано в Европе”, чего не происходит в случае истребителей или систем ПВО» (10 апреля).

Rafale, Typhoon, Америка и Япония

Укрепление двухсторонних связей позволило Парижу продать Индии 26 истребителей Rafale в морской модификации, которые будут использоваться ВМС страны на авианосцах. Благодаря этому и другим контрактам Dassault решила увеличить темп производства своих истребителей с трёх до пяти единиц в месяц, а также начать разработку инновационной версии F5, которая будет готова к началу 2030-х годов. При этом работа над прототипом истребителя шестого поколения (SCAF/FCAS), который разрабатывается совместно с Airbus, ещё не начата.

Благодаря новым заказам из Германии, Испании и Италии, Eurofighter Typhoon вскоре может получить портфель заказов на 150–200 единиц. Консорциум, производящий эти самолёты, в который

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

		Оборот от военных заказов		рост (%) 2023/17
		2017	2023	
BAE Systems	Великобритания	22.384	29.810	33,1
Airbus	Европа	10.691	12.890	20,5
Leonardo	Италия	9.403	12.390	31,7
Thales	Франция	9.601	10.350	7,8
Rolls-Royce	Великобритания	4.714	6.290	33,4
Rheinmetall	Германия	3.652	5.480	50,0
MBDA	Европа	3.621	4.760	31,4
Naval Group	Франция	4.404	4.550	3,3
Safran	Франция	3.107	4.510	45,1
Saab	Швеция	3.092	4.360	41,0
Babcock	Великобритания	3.445	4.030	16,9
KNDS ¹	Европа	2.796	3.340	19,4
Dassault	Франция	2.250	3.220	43,1
CEA	Франция	2.314	2.900	25,3
Fincantieri	Италия	1.759	2.820	60,3
PGZ	Польша	1.273	2.060	61,8
ThyssenKrupp	Германия	2.046	1.990	-2,8
Hensoldt	Германия	1.232	1.850	50,1
Kongsberg ²	Норвегия	776	1.500	93,3
Navantia	Испания	975	1.190	22,1
Итого		93.535	120.29	28,6

Данные в миллионах долларов; европейские компании, на постоянной основе входящие в топ-100 мировых оборонных предприятий; приведены доходы только от продажи вооружений. Примечания: 1) В 2017 году KMW и Nexter были разделены. 2) Начальный год — 2019.

Источник: SIPRI.

входят Airbus, BAE Systems и Leonardo, прорабатывает возможность создания двухместной версии, которая, как и Rafale F5, могла бы взаимодействовать с автономными дронами поддержки.

BAE Systems и Leonardo сотрудничают с японской Mitsubishi в работе над истребителем шестого поколения GCAP. Это партнёрство может привести к новым совместным проектам. Источники в итальянских BBC допускают обмен технологиями между учебно-тренировочным самолётом Leonardo M-346 и морским патрульным самолётом P-1 компании Kawasaki. Одновременно BAE Systems рассматривает возможность совместной с Японией разработки нового дрона.

Airbus запустил мощную кампанию в поддержку евроинтеграции. Майкл Шёлхорн, генеральный директор Airbus Defence and Space, заявляет, что Европа рискует превратиться из наблюдателя в жертву в противостоянии США и Китая. Том Эндерс, нынешний президент DGAP (Немецкого общества внешней политики) и бывший руководитель Airbus, считает ошибкой решение Германии закупить истребители F-35 компании Lockheed Martin – ведь американцы могут в любой момент заблокировать их использование, – а также покупку систем Patriot, поскольку европейские SAMP/T от Thales и MBDA Italia являются их аналогами.

С этим не согласен Армин Паппергер (CEO Rheinmetall), хотя бы потому, что его компания будет производить на новом заводе в Везе (Северный Рейн-Вестфалия) центральные секции F-35 для части европейского рынка.

Боеприпасы, радары, дроны и спутники

Среди европейских оборонных компаний Rheinmetall продемонстрировала самый впечатляющий рост на бирже. В сотрудничестве с KNDS она решила увеличить производство танков Leopard 2 с 48 до 100 единиц в год, работает с BAE Systems над модернизацией Challenger и

поставит в Италию танки Panther и бронемашину Lynx совместно с Leonardo. Её операционная маржа составляет 15 %, она строит и проектирует 10 новых заводов по всему миру и к 2027 году планирует производить 1,1 миллиона артиллерийских снарядов калибра 155 мм. Одно только немецкое правительство заказало у Rheinmetall боеприпасы на 4,6 миллиарда евро.

Оставаясь на немецкой земле, Hensoldt планирует удвоить свой оборот до 4 миллиардов за пять лет. Её основной продукт – радары; только для программы европейской противоракетной обороны ESSI было продано 80 единиц.

Leonardo владеет примерно четвертью акций Hensoldt: это одна из стратегий, с помощью которых итальянская группа выстраивает свои альянсы. Мы уже писали о соглашениях по танкам и истребителям; последнее направление – сотрудничество с турецкой Baykar по производству дронов. Эти дроны первоначально добились успеха в войне в Украине, но затем столкнулись с активным радиоэлектронным противодействием со стороны России. Вероятно, Leonardo займётся разработкой элементов, способных снизить эту уязвимость. Также обсуждается проект объединения космических активов Thales и Leonardo (уже объединённых в двух совместных предприятиях) с активами Airbus. Руководство трёх групп представило комиссару ЕС по конкуренции Терезе Рибере обоснование необходимости совместных действий. Тем временем Leonardo планирует запуск группировки из 38 радарных спутников наблюдения с военными и гражданскими функциями, военная часть которой уже была профинансирована на две трети.

Европейская буржуазия вооружается, руководители промышленности выстраиваются у кассы, рабочие же должны организовываться.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ

	% от ВВП		вооружения*	
	2016	2024	2016	2024
Франция	1,79	2,06	24,6	28,3
Германия	1,20	2,12	12,9	28,7
Великобритания	2,09	2,33	22,8	36,1
Италия	1,18	1,49	10,9	22,1
Польша	2,00	4,12	18,8	51,1
Испания	0,81	1,28	13,5	30,3
Нидерланды	1,16	2,05	10,7	36,2

*Примечание: доля закупок вооружений от всех военных расходов.

Источник: НАТО.

Рабочая борьба в мире

Забастовка в Boeing

«Профсоюз, представляющий машиностроителей Boeing, дал выход десятилетнему сдерживаемому гневу по поводу утраченных пенсий и мизерных прибавок к зарплате. [...] Многие из рабочих, входящих в IAM [International Association of Machinists and Aerospace Workers – Международная ассоциация машиностроительных и авиакосмических рабочих], готовились к этой битве в течение десятилетия – с тех пор, как были вынуждены отказаться от пенсий под давлением компании». Так *Wall Street Journal* описывает ситуацию во время борьбы за возобновление контракта с аэрокосмическим гигантом. Обычно не слишком благосклонная к профсоюзам и рабочим, газета с помощью этой реалистичной картины фактически критикует подход Boeing к трудовым отношениям. Продление контракта потребовало двух месяцев забастовки, в результате которой было достигнуто решение, хотя бы частично компенсирующее «десятилетие гнева». Эта борьба, наряду с забастовками в автомобильной, портовой и других отраслях, стала одной из самых значимых в недавней волне трудовых протестов в США и развернулась под воздействием многих факторов.

Благоприятный климат

Во-первых, в последние годы, по крайней мере до 2024 года, сохранялась в целом благоприятная обстановка: растущая экономика, напряжённый рынок труда, высокий спрос на рабочую силу и местами её нехватка, низкий уровень безработицы. Далее следует отметить особую ситуацию с работниками Boeing. Контракт непосредственно затрагивает в основном производственных рабочих (машиностроителей, около 30 тысяч человек), занятых на заводах в штате Вашингтон, где собирается большая часть гражданских и военных самолётов – их представляет профсоюз IAM. Технические специалисты и инженеры в него не входят – у них есть собственный профсоюз SPEEA (Society of Professional Engineering Employees in Aerospace) и отдельный

контракт. То же самое касается и рабочих завода в Южной Каролине, которые не состоят в профсоюзе. Таким образом, спор затронул лишь пятую часть сотрудников – и это слабое место, которое можно объяснить спецификой профсоюзной структуры и её долгой истории внутри Boeing. То «десятилетие», о котором пишет *Wall Street Journal*, началось с истечения предыдущего четырёхлетнего контракта 2008 года: тогдашний расклад сил (это был разгар кризиса мировых отношений) и слабость IAM привели к подписанию не нового контракта, а лишь продления старого – под давлением со стороны компании, угрожавшей перенести производство своего ключевого самолёта 737 MAX в другие штаты с более дешёвой рабочей силой, например, в Южную Каролину. Шантаж сработал – и, как сегодня можно с уверенностью сказать, не без соучастия IAM. В результате было урезано ранее действовавшее выгодное пенсионное обеспечение и запланированы мизерные повышения заработной платы. Контракт продлили до 2024 года, что привело к девальвации заработной платы, замороженной как раз в годы растущей инфляции. Отсюда и справедливый «гнев» рабочих, особенно учитывая, что в штате Вашингтон зафиксирован самый высокий уровень реальной инфляции – это вызвано также тем, что такие гиганты, как Google и Amazon, как раз в то время перевели туда свои офисы с тысячами высокооплачиваемых «белых воротничков», что привело к росту цен на жильё, аренду и т. д. Так за два десятилетия те самые рабочие, которые гордились тем, что строят «самые красивые самолёты в мире», передавали свою «безопасную» и высокооплачиваемую работу от отца к сыну и считали себя представителями так называемого «среднего класса» (и на самом деле ими являлись), на собственном опыте убедились в нестабильности капиталистического рынка труда. С начала века циклы массовых увольнений и повторных наймов стали нормой, зависящей от колебаний спроса на самолёты. Сначала продажи сильно пострадали из-за событий 11 сентября 2001 года, затем из-за кризиса 2008 года, затем из-за пандемии, – но каждый раз быстро восстановились. Это и есть те условия, в которых неожиданно для себя оказались десятки тысяч рабочих Boeing, и в особенности машиностроители. И он уже давно оказывает сильное негативное влияние на переговоры. Наконец, на это наложились конкретная проблема – кризис самой Boeing (мы уже освещали его в нашей газете), отмеченный двумя катастрофами «737MAX» с сотнями жертв в 2018–2019 годах, оторвавшейся во время полёта дверью (без жертв) в начале 2024 года, а также другими мелкими неприятностями, которые, очевидно, получили широкое освещение в СМИ. Не самый благоприятный контекст для возобновления контракта – однако он, похоже, оказал сравнительно мало влияния на исход спора, который, как не раз намекала *Wall Street Journal* и другие комментаторы, был предreshён с самого начала. Профсоюзный конфликт такого масштаба всегда имеет и политическую составляющую, не сразу бросающуюся в глаза. Почти совпавшее с началом спора назначение нового генерального директора (уже третьего за девять лет), которого благосклонно восприняли за

РАБОЧИЕ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ГИГАНТА

Основанная в 1916 году в Сиэтле (штат Вашингтон) Уильямом Боингом, компания Boeing в настоящее время является одной из крупнейших в мире. В декабре 2023 года она насчитывала 170 тысяч сотрудников, распределённых по четырём основным подразделениям: коммерческая авиация (48 тыс.), оборона и космос (18 тыс.), сервисное обслуживание (22 тыс.) и исследования и разработки (82 тыс.). В США в аэрокосмическом секторе занято 530 тысяч человек, то есть почти каждый третий отраслевой рабочий занят непосредственно в Boeing, не считая множества сотрудников в смежных сферах. В штате Вашингтон работает 67 тыс. сотрудников Boeing, в Миссури 17 тыс., в Калифорнии 14 тыс., в Южной Каролине 8 тыс., в нескольких других штатах цифры меньше. Более 20 тыс. человек находятся за рубежом, в 150 странах. Крупнейшая производственная площадка находится в Эверетте (недалеко от Сиэтла) – около 30 тыс. работников, и она также является крупнейшей в мире. В Рентоне (примерно в 45 милях от Эверетта) находится ещё одно крупное производство в регионе под названием Пьюджет-Саунд, где трудятся 12 тыс. рабочих. Всего в производстве занято 70 тыс. человек, в проектировании – 34 тыс., в НИОКР – 10 тыс., остальные – в администрировании, продажах, международных операциях и т. д. Женщины составляют почти 30 % сотрудников, с заметными различиями по подразделениям: в производстве – 17 %, среди «белых воротничков» – 33 %. Представлено 47 национальностей. Белые составляют 65 %, латиноамериканцы – 15 %, азиаты и чернокожие – по 10 %. Уровень членства в профсоюзе (IAM для машиностроителей, производственных рабочих; SPEEA для инженеров-технологов) составляет около 30 %. Короче говоря, рабочие этой огромной компании – сплав происхождения, этничности и профессиональных навыков – представляют собой значительную часть силы нашего класса в индустриальном сердце первой империалистической державы.

возвращение к техническому бэкграунду – он инженер, «технар», – тоже сыграло свою роль. Вступать в переговоры с уступками на старте – не лучшая стратегия для нового руководителя с точки зрения стейкхолдеров и акционеров.

Противоречия вышли наружу

Именно в этом, общем и конкретном, контексте и разгорелся трудовой спор по поводу контракта – и проблемы неизбежно вышли на поверхность. «Гнев» рабочих воплотился в действия: они последовательно отклонили три предложения о соглашении (одно из которых было односторонней инициативой Boeing, не прошедшей через IAM), и подавляющим большинством поддержали начавшуюся в результате забастовку. Несколько факторов дают представление о боевом настроении и решимости 30 тысяч рабочих. Условия труда: в начале конфликта профсоюзно-ориентированное издание *Labor Notes* подчёркивало, что уровень заработной платы значительно ниже среднего по Сиэтлу, в то время как объём обязательных сверхурочных работ высок; несколько последовательных 10–12-часовых рабочих смен были бы нормой по состоянию на 8 сентября; первоначальный вариант соглашения, которое профсоюз IAM охарактеризовал как «лучший контракт, который мы когда-либо заключали в нашей истории», был отклонён 95 % проголосовавших. *New York Times* комментировала: «Достичь соглашения будет непросто, главная причина – заработная плата». 19 октября: третье предложение (второе даже не выносилось на голосование), которое IAM счёл «достойным рассмотрения», было отклонено 64 % голосов. 31 октября: после двух месяцев пикетов достигнуто соглашение, считающееся хорошим с точки зрения зарплаты (+38 % в течение четырёх лет против изначально запрошенных 40 %, плюс премия в несколько тысяч долларов), но гораздо менее выгодным с точки зрения пенсий (старый механизм не был восстановлен, как того требовали). За него проголосовали 59 % участников голосования, а с учётом воздержавшихся – и вовсе менее половины. Это – чёткий сигнал со стороны рабочих. Такой результат соответствует общей тенденции последних лет в США: кон-

тракты, как правило, направлены на восстановление ранее утраченных позиций. Но и он был омрачён заявлением Boeing, сделанным во время забастовки: компания объявила о реструктуризации, предполагающей сокращение персонала на 10 % (т. е. 17 тысяч увольнений), преимущественно в административном секторе, а не на производстве. Производственные линии Boeing возобновили выпуск самолётов на фоне корпоративной реструктуризации. Но у нашего класса остаются два вопроса. Во-первых: каков был бы результат, если бы все 150 тысяч рабочих Boeing в США приняли участие в трудовом споре? Во-вторых: почему мы не услышали ни о каком проявлении солидарности со стороны европейских рабочих Airbus? Из Тулузы пришло лишь дежурное сообщение по случаю объявления увольнений. Какой бы ответ мы ни дали, остаётся объективный факт: рабочая коалиция Boeing, в которой 33 тысячи человек вели двухмесячную забастовку, продолжает существовать. В условиях капитализма ничего не даётся даром.

Lotta comunista, апрель 2025 г.



Октябрь 1917 года. 100 лет. 100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт, именной указатель, иллюстрации по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Забастовки на Boeing		
год	город	кол-во дней
1941	Сент-Луис	2
1948	Сиэтл, Уичито	145
1965	Сиэтл, Уичито	19
1965	Сент-Луис	12
1967	Сент-Луис	16
1969	Сент-Луис	33
1974	Торранс	112
1975	Сент-Луис	90
1977	Сиэтл, Уичито	45
1989	Сиэтл, Уичито	48
1996	Сиэтл, Уичито	69
1996	Сент-Луис	100
2005	Декейтер	98
2005	Торранс 98	98
2005	Хантингтон-Бич	98
2005	Сиэтл, Уичито	24
2005	Хантсвилл	98
2006	Ок-Ридж	79
2008	Сиэтл, Уичито	58
2012	Голдсборо	142
2024	Сиэтл, Рентон	54

Крупнейшие забастовки с 1941 по 2024 год.

Хроники нового американского национализма

Истеблишмент опасается непреднамеренных последствий от действий Трампа

The New York Times, The Washington Post и The Wall Street Journal (WSJ) предупреждают об одностороннем бизнес-подходе администрации Дональда Трампа к решению экономических проблем и вопросам международной политики. По мнению ведущих изданий американского истеблишмента, реакция международного сообщества и непреднамеренные последствия такой политики наносят ущерб самим Соединённым Штатам.

После повышения тарифов в «День освобождения» (2 апреля) основные фондовые индексы Уолл-Стрит упали, доллар обесценился, а облигации Казначейства США начали распродаваться, что вызвало тревогу у пенсионных фондов. Эти опасения достигли первых полос *Financial Times* от 10 апреля, наряду с заявлениями секретаря Казначейства Скотта Бессента и предупреждениями лидеров бизнеса о возможной «рецессии».

9 апреля Трамп объявил о 90-дневной паузе во введении новых пошлин – исключение составили Китай и уже действующие тарифы против других стран. Рынки «праздновали» эту новость, но *WSJ* предупреждала, что оставшиеся тарифы всё ещё высоки, а потенциальное «разъединение» американской и китайской экономик «не пощадит никого». Возможные исключения для отдельных отраслей, по мнению издания, – это лишь прелюдия к переговорам, но «никак не конец тарифного хаоса».

Согласно тому же изданию, доллар, базовая валюта мировой монетарной системы, «проходит проверку неопределённостью» торговой политики Трампа. На международной арене – пишет *WSJ*, – после угроз президента можно ожидать, что американские союзники в Европе и Азии начнут «искать новые торговые и оборонные связи, не зависящие от США и потенциально противоречащие их интересам».

Европеизация НАТО?

Трамп угрожал Канаде, Мексике, Евросоюзу, Украине, Японии и Южной Корее, причём в вопросе тарифов он не делал различий между партнёрами и противниками. По словам внешнеполитического обозревателя *The New York Times* Дэвида Сэнгера, для президента «экономические отношения стоят на первом месте. Безопасность или дипломатия занимают далёкие второе или третье места, если вообще что-то значат». В торговых переговорах «он делает ставку на то, что в итоге [Китай или ЕС] предпочтут не обострять ситуацию, опасаясь того, что может сделать президент, получающий удовольствие от собственной непредсказуемости». Трамп во время своего «рискованного второго срока проверяет на прочность связи [с союзниками], но это идёт во вред альянсам Америки».

Сэнгер пишет, что «отношения в сфере обороны, торговые взаимозависимости и связи, взращиваемые на протяжении восьмидесяти лет Соединёнными Штатами» через Атлантику, Тихий океан и с Канадой, «были сознательно задуманы как укрепляющие, но Трамп с союзниками искажали их, чтобы обратить в выгоду для США». Трамп готов рискнуть «расколом НАТО и крахом Украины. И если цена прекращения постоянного торгового дефицита – серьёзный ущерб старейшим и сильнейшим союзникам страны, он без колебаний будет угрожать своим друзьям». По этому фундаментальному вопросу *The New York Times* приводит рассуждения Иво Даалдера, президента Чикагского совета по глобальным делам: «Со-

единённые Штаты являются стержнем [североатлантического] альянса, чтобы мы могли контролировать своих союзников и заставлять их делать то, что мы хотим». Похоже, что текущая администрация этого не осознаёт.

Министр обороны Пит Хэгсет и вице-президент Дж. Д. Вэнс открыто проявили презрение к неспособности европейцев к военному самообеспечению на заседаниях Контактной группы по обороне Украины в Брюсселе и на Мюнхенской конференции по безопасности. Согласно утечке из чата в мессенджере «Signal», которая была опубликована *The Atlantic*, Хэгсет и Вэнс также заявили в частном порядке, что ожидают возмущения за то, чтобы «спасти» «европейского нахлебника».

В ответ на уход США с международной сцены Великобритании и Европейский союз предприняли ряд инициатив в поддержку Киева. Были разработаны планы по перевооружению, ключевым элементом которых стало финансирование со стороны Германии под руководством Фридриха Мерца. Также был расширен формат совещаний по безопасности – с приглашением Турции и Канады, что фактически представляет собой своеобразную версию НАТО без участия Соединённых Штатов.

Ядерное распространение?

Ещё одним вероятным последствием действий Трампа, по мнению *WSJ*, может стать ядерное распространение. Если надёжность гарантий Вашингтона окажется под вопросом, то «у Японии не останется другого выбора, кроме как стать ядерной державой для сдерживания Китая, а за ней последуют и другие страны».

Дэвид Игнатиус, постоянный комментатор по вопросам НАТО по обе стороны Атлантики, пишет в *The Washington Post*: «[Целью] Трампа на протяжении десятилетия было заставить американских союзников в Европе и Азии самостоятельно заботиться о своих экономиках и военной безопасности, а не быть «безбилетниками» на спине Соединённых Штатов. По этому поводу я бы сказал: будьте осторожны в своих желаниях».

Бегство покупателей оружия?

В ходе переговоров с Киевом и Москвой о прекращении войны на Украине Трамп вступил в конфликт с Владимиром Зеленским прямо в Овальном кабинете. Чтобы добиться принятия условий, которые он считал необходимыми для начала переговоров с Москвой, Трамп на неделю приостановил поставки вооружений. Позже он заявил, что США могли бы поставлять своим союзникам ослабленные версии некоторых систем вооружения – например, «F-35» и «F-47», – «потому что однажды они могут перестать быть нашими союзниками».

WSJ отмечает, что кризисы в Европе и на Среднем Востоке укрепили статус США как «главного экспортёра вооружений в мире», особенно за счёт закупок европейских партнёров. Однако действия Трампа ставят под сомнение надёжность США как поставщика, что угрожает иностранным заказам американских оборонных групп. На экономический и политический ущерб указывают *The Wall Street Journal*, *The New York Times* и *The Washington Post*.

Португалия вместе с другими странами НАТО пересматривает вопрос о покупке «F-35». ЕС запустил план перевооружения, предусматривающий закупку 65 % оружия на внутреннем рынке.

Канада ведёт переговоры об участии в европейском проекте и уже начала сотрудничество с Австралией. Главную ежегодную встречу ВС США в Африке (African Land Forces Summit) в апреле посетили 40 стран, лидеры которых опасаются прекращения поставок вооружений и программ развития (USAID).

Испытание для долга и доллара?

На следующий день после так называемого «Дня освобождения» *WSJ* предостерегла: «Разрушение мировой торговой системы чревато последствиями». Среди незамедлительных эффектов издание отметило «крах» американских гособлигаций, который «вызвал тревогу», поскольку, вопреки обычной реакции в условиях «паники», инвесторы потребовали более высокой доходности, чтобы сохранить интерес к казначейским бумагам. «Рынок для казначейских облигаций будет существовать всегда, но вопрос в цене», – подчёркивает газета. В более широком смысле «распродажа облигаций и падение доллара стали тревожным сигналом об утрате доверия к Вашингтону».

Япония выдвигает глобальную инициативу по обеспечению финансовой стабильности, подчёркивая: «Обычно эту роль берёт на себя США, но в данном случае причиной нестабильности стали они сами». «Ирония» заключается в том, что это открывает широкие возможности для Китая, как и выход Трампа в 2017 году из соглашения о свободной торговле в Азии (Транстихоокеанского партнёрства, ТТП), в котором Пекин не участвовал. Сейчас Китай «ухаживает» за Южной Кореей и Японией, однако в сферу его интересов попадает и Европейский союз.

«Кому выгодно?»

По мнению *WSJ*, 90-дневная пауза означает «неопределённость», а, следовательно, задержки в инвестициях, имеющих фундаментальное значение для экономического роста, и в найме персонала, в том числе и среди американских производителей. Расплачиваться придётся предприятиям, рабочим, потребителям и пенсионным фондам. В штате Мичиган *Stellantis* уже отреагировала на ситуацию временным увольнением 900 сотрудников.

Компании, освобождённые от пошлин, поднимут цены до уровня тех, кто ими облагается, чтобы не упустить возможность заработать. Около 60 % американцев владеют акциями напрямую или косвенно через пенсионные накопительные планы «401(k)», чья доходность зависит от показателей рынков и облигаций. «Осознанное решение» Трампа, по всей видимости, «перераспределяет богатство от потребителей к корпорациям». В выигрыше останутся и лоббисты, чьи услуги станут более востребованными руководителями компаний, стремящимися получить освобождение от пошлин.

В то же время «подрыв» торговых соглашений наносит удар по интересам крупных экономических групп. Компании, входящие в индекс «Standard & Poor's 500», получают 41 % своей выручки из-за рубежа: они «пострадают напрямую от ответных пошлин» и «косвенно, поскольку другие страны заключат торговые сделки» между собой.

«Это наиболее близкий момент к полному разъединению экономик США и Китая». «Однако быстрый «декаплинг» невозможен без значительного экономического ущерба», и для его смягчения необходимо расширять торговлю с союзниками. Вместо этого Трамп сохраняет 10 % «базовую»

пошлину, а также все ранее введённые пошлины на сталь и алюминий.

Столкнувшись с «самонанесённым» экономическим ущербом со стороны Белого дома, *The New York Times* задаётся вопросом, почему деловое сообщество не выражает чёткой и открытой оппозиции, за исключением редкой критики, обёрнутой в «щедрые похвалы», нескольких заявлений от «Business Roundtable» и осторожных позиций Торговой Палаты США. Газета предполагает, что компании «всё ещё рассчитывают на выгодные для них политические меры, такие как снижение налогов и дерегулирование».

В *WSJ* международный политический обозреватель Уолтер Рассел Мид ставит под сомнение цели Трампа. «Стремится ли он к созданию более справедливой мировой торговой системы, или его инстинкты чисто меркантилистские? Пытается ли он сделать НАТО более эффективной, шокируя европейцев [...], или его реальная цель – разрушить альянс? Хочет ли президент реформировать правительство, или DOGE – это попытка ослабить способность Вашингтона сдерживать интересы бизнеса? Заботится ли он о политике, или вся его политическая карьера – это выражение эгоизма и заботы о финансовом будущем его семьи? Действительно ли он хочет завоевать Канаду?». Мид заключает: «Возможно, Трамп и сам не знает ответов на эти вопросы. Но так или иначе, шаги, которые он предпримет в ближайшие месяцы, определят его место в истории. К добру или к худу, оно будет огромным».

Lotta comunista, апрель 2025 г.



Стеклов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова "Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала" (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Промышленность и фармацевтика

Китайская наука под подозрением

Рассматривая некоторые аспекты становления Китая как великой научной державы, мы подчёркивали в этой газете важность «фактора времени». Глобальное противостояние заставляет научное развитие ускоряться, и темпы, с которыми Пекин догоняет Запад, колыбель современной науки, впечатляют. В 2019 году британский еженедельник *The Economist* высказал сомнение в возможности того, что Китай обретёт статус «научно-технической сверхдержавы». Однако он советовал Западу перестать принижать китайскую науку за её слабое качество, «отбросить эти старые идеи», потому что «их учёные проводят одни из лучших исследований в мире, особенно в области химии, физики и материаловедения». Такое развитие «во многом напоминает золотые годы “большой науки” в послевоенной Америке», которые привели американскую науку «к доминированию в мире».

Однако в Америке и Европе наука пользуется «культурой свободы исследований», в то время как в Китае они проводятся под пристальным контролем партии и правительства, которые, с одной стороны, «хотят пожинать плоды науки», а с другой – плохо переносят свободное распространение информации и «дух сомнения и критического скептицизма», из которого эти плоды истекают. Всепроницающее влияние государства и тесная связь с военными ставят под угрозу достоверность, прозрачность и распространение результатов исследований. «Идея о том, что подлинно достоверная наука или наука действительно выдающаяся может быть достигнута в политической системе, основанной на культуре беспрекословного авторитета, ещё не доказана» (*“Can China become a scientific superpower?”*, 12.01.2019). По сути: может ли «авторитарный режим» сравниться с великими западными демократиями по научным достижениям? Всего пять лет спустя те же эксперты считают, что Китай уже является «ведущей научной державой» и его «приближение к технологическим рубежам вызывает тревогу» (*“The rise of Chinese science”*, 15.06.2024).

Качество или количество

Если говорить о медицинской сфере, китайские власти регулярно получают обвинения в нежелании делиться данными о здравоохранении. Пекин винят в сокрытии вспышки атипичной пневмонии в 2003 году и утаивании реальных эпидемиологических данных во время пандемии Covid-19. Обвинения в «непрозрачности» работы Центра биологических исследований Института вирусологии в Ухане, городе, первым пострадавшем от SARS-CoV-2, послужили аргументом для сторонников гипотезы – на данный момент не подкреплённой убедительными данными – о случайной утечке нового коронавируса из лаборатории с высочайшим уровнем биобезопасности. Но ведь и на «свободном Западе» тайно проводятся медицинские исследования двойного назначения, гражданского и военного.

Кстати, можно отметить, что медицинский национализм регулярно подрывает международное сотрудничество в области общественного здравоохранения. Действия Всемирной организации здравоохранения во время пандемии и влияние на неё Китая стали для администрации Трампа поводом для издания указа о выходе США из ВОЗ, который был повторно запущен после переизбрания. Пандемия уже показала, что такие международные организации, как ВОЗ, являются ареной борьбы за власть и что политическое вмешательство подрывает их независимость и научный авторитет.

Среди «недостатков» китайской науки *The Economist* называет «слабую базу», на которую опираются крупные веду-

щие институты. Университеты второго уровня выпускают большое количество публикаций «относительно низкого качества по сравнению с аналогичными в Европе или Америке». Тем не менее Пекин готовит огромное количество молодых учёных, причём гораздо быстрее, чем в Америке. По данным Всемирного экономического форума, в Китае находятся шесть из десяти лучших «молодых» университетов, то есть основанных менее 50 лет назад (McKinsey, 11.05.2023).

Огромный рост числа научных публикаций в ущерб их качеству – не только китайская особенность. По всему миру, пишет *Financial Times*, распространилась «гнусная практика, созданная для воспитания глобальной конкурентной культуры “публикуйся или исчезни”, которая оценивает учёных в зависимости от того, как часто они публикуются и цитируются» (22.11.2023).

Наука и бизнес

Речь идёт не только об академической добросовестности. Комитет по открытой науке, действующий под эгидой Министерства образования Франции, подхватил европейское исследование, количественно оценивающее инфляцию статей (*“The strain on scientific publishing”*, arXiv, 14.07.2024). Авторы, опираясь в основном на крупнейшие базы данных Scopus и Web of Science, отметили увеличение количества публикуемых статей на 5,6 % в год в период с 2016 по 2022. Этот «почти экспоненциальный» рост не соответствует относительно скромному увеличению числа исследователей за этот период (*“Ouvrir la science!”*, 21.10.2024). Люди публикуются чаще и уделяют меньше времени перепроверке и осмыслению. Ежегодное число научных публикаций в мире выросло с 2 млн в 2010 году до 3,3 млн в 2022 году, причём в основном за счёт Китая и Индии – 42 % и 11 % от прироста публикаций соответственно (NSB, Science & Engineering Indicators, апрель 2023).

Среди факторов, которые могут объяснить этот бум, – «большой доступ к научным публикациям в странах Глобального Юга». Но, по мнению авторов исследования, в число «преобладающих факторов» входят «новые издательские практики»: горстка издателей «чрезвычайно увеличила объём публикаций» (*“Ouvrir la science!”*, там же). Комитет за открытую науку приходит к выводу, что эта система больше не является устойчивой. «Экспоненциальный рост числа публикаций несовместим с поддержанием научного качества и обеспечением доверия к результатам, которое гарантируется тщательным и скрупулёзным процессом рецензирования».

Реформа этой «деградировавшей» системы научных публикаций вступает в противоречие с колоссальными экономическими интересами. *Le Monde* сообщает, что в 2020 году издатели журналов поделились между собой 26,5 миллиарда долларов (*“L’inflation du nombre de publications scientifiques interroge”*, 12.11.2024), а *The Economist* реалистически резюмирует: «Научные публикации уже давно стали фабриками денег. Многие крупные издательства из года в год декларируют прибыль от 30 до 40 процентов» (23.11.2024).

Массовое производство

Количество привело к снижению качества. Но помимо погрешностей, растёт число самоповторов, плагиата и откровенных фальсификаций. Для издателей становится проблемой их выявление.

Исследование, проведённое Бернхардом Сабелем из Университета Отто фон Герике в Магдебурге, показало, что количество фальсифицированных научных работ, выдаваемых за подлинные (*fake paper*), «значительно возросло за послед-

ние годы» (*Financial Times*, 15.05.2023). Возникла прибыльная индустрия по изготовлению публикаций на заказ. «Каждая пятая статья, опубликованная в научных журналах, может содержать ложные данные производства “фабрик статей” (*paper mills*), которым платят за фабричную научные материалы».

Группа из Магдебурга разработала систему маркировки «проблемных» статей предупреждающими сигналами. «Количество публикаций с “красными флажками” в биомедицине выросло с 16 % в 2010 году до 28 % в 2020-м, причём в нейронауках этот рост гораздо больше, чем в клинической медицине». С поправкой на возможную предвзятость Сабель подсчитал, что «реальный показатель составляет около 20 %, что эквивалентно примерно 300.000 публикаций в год», «массовое производство» псевдоисследований с оборотом 3–4 миллиарда долларов в год.

Другие оценки более консервативны. Согласно анализу, опубликованному в журнале *Nature*, от 1,5 до 2 процентов всех научных статей, вышедших в 2022 году, имеют признаки, со значительной долей вероятности указывающие на их происхождение от «фабрик статей». Для статей по биологии и медицине эта доля возрастает до 3 % (*“How big is science’s fake-paper problem?”*, 06.11.2023).

«Недостоверные данные, фальсификации и другие проблемы, связанные с недобросовестностью, приводят к росту числа отзывать статей», – пишет *Nature*. В базах данных таких организаций, как Retraction Watch и Crossref, зарегистрировано около 50.000 отозванных исследований. Причины отзыва не всегда уточняются и не обязательно связаны с мошенничеством, так как бывают случаи признания непреднамеренных ошибок автора. Однако они отражают лишь «верхушку айсберга» фальсифицированных публикаций, число которых оценивается в «сотни тысяч» (*Nature*, “More than 10,000 research papers were retracted in 2023 – a new record”, 12.12.2023).

Китай и здесь в числе первых подозреваемых, и не в последнюю очередь пото-

му, что именно оттуда приходит больше всего статей. Из 50.000 отозванных публикаций, с учётом национальности хотя бы одного из авторов 46 % приходится на Китай, который, по данным журнала *Nature*, занимает четвёртое место в мире по доле подобных статей после Саудовской Аравии, Пакистана и России. Китайская система доводит конкуренцию между исследователями за государственное финансирование до крайности и приводит к распространению сомнительных, а то и откровенно мошеннических исследований (*Financial Times*, 20.05.2023).

Но подобная «гнусная практика» является общемировой проблемой. Она касается в том числе наиболее развитых в научном отношении стран и наиболее цитируемых авторов (*PLOS Biology*, “Linking citation and retraction data reveals the demographics of scientific retractions among highly cited authors”, 30.01.2025). В области биомедицины анализ тысяч публикаций показал, что количество отозванных статей европейских авторов увеличилось в четыре раза с 2000 по 2021 год, с примерно 11 отзывать на 100 000 статей до 45 (*Nature*, “Biomedical paper retractions have quadrupled in 20 years – why?”, 31.05.2024).

Поток китайских научных публикаций воспринимается значительной частью западного научного сообщества скептически и настороженно, а потому очень часто эти статьи остаются без внимания, упрекает *Financial Times* (29.05.2023). Похоже, что от «старых идей» превосходства трудно отказаться.

Возвращаясь к биофармацевтическому сектору, следует отметить, что для корпоративного мира подобные предубеждения не характерны. Более чем десятилетние инвестиции в биотехнологии начинают приносить свои плоды: создано множество инновационных препаратов, которые крупные западные компании из сферы «наук о жизни», в основном европейские, спешат купить себе.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

ЛОГИКА МАРКСА

(начало статьи на стр. 1)

Именно псевдосоциалисты вроде Прудона, Сисмонди и их реформистских последователей стремятся очеловечить капиталистический способ производства. Коммунисты же хотят его уничтожить, потому что он уже исчерпал свою историческую задачу. [...]

Маркс открывает текст первой тетради 1861 года трудным вопросом: как деньги превращаются в капитал? Мы следуем за Марксом, чтобы обнаружить один из аспектов его научного метода, а именно тщательное исследование всех сторон объекта исследования. Его инструментами являются научная абстракция, логика, история; историческое наблюдение обычно следует за логическим изложением, «логический метод» предшествует «историческому методу». Энгельс замечает: «[Логический метод], в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей»⁷.

Логика и история для Маркса не являются схоластикой. Антонио Лабриола называет неустанную аналитическую силу Маркса «обострением логики». Это не что иное, как исследование, основанное на «науке логики», на диалектике, преобразованной и вооружённой материалистическим видением капиталистического способа производства.

История капиталистического общества для Маркса – это и естественно-исторический процесс, и социальная практика антагонистических классов. “Капитал” изобилует ссылками на историю классов; его исторические главы – о первоначальном накоплении капитала, продолжительности рабочего дня, о применении науки в промышленности, – являются живыми картинами общественной экономической формации, плотью и кровью, покрывающими скелет, который стал виден благодаря “рентгену” теории.

Систематическое использование логики “Капитала” является вызовом и упражнением для мысли молодого человека, осаждаемого туманом банальностей, давлением цифровой глупости, невежественной иррациональностью нарциссических демагогов и напыщенной беспомощностью плохих учителей. Логика Маркса требует и воспитывает терпение и любознательность, необходимые для понимания реального мира.

Lotta comunista, январь 2023 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 6.
- 2 – Там же.
- 3 – Там же. Т. 32. С. 9.
- 4 – Там же. Т. 29. С. 257.
- 5 – Там же. Т. 13. С. 498.
- 6 – Там же. Т. 48. С. 294.
- 7 – Там же. Т. 13. С. 497.

Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмэнь

“Элегия реки” выявляет плюрализм прибрежного Китая

Кризис на площади Тяньаньмэнь во многом является первым китайским телевизионным кризисом. Хань Суинь пишет: «В Китае [политические] кампании всегда начинались с критики книги, эссе, статьи. Однако падение Чжао Цзяна было ускорено телесериалом “Элегия реки”» (“Le vent dans ma poche”, 1991).

«Культурная революция» началась с того, что Шанхай выступил с критикой театрального представления в Пекине. Политический кризис Тяньаньмэнь начался с сериала по государственному телевидению, за которым в 1988 году следили миллионы китайцев. Это была яростная атака прибрежных провинций, связанных с модернизаторской линией Чжао Цзяна, против трёх столпов тысячелетнего Китая: Жёлтой реки (Хуанхэ), Великой стены и Дракона.

“Голубой” Китай против “Жёлтого” Китая

Ли Хун Чой, посол Сингапура в Китае, в своей книге о китайских региональных особенностях пишет, что в “Элегии реки” вина за отсталость Китая возлагалась на регион Хуанхэ (“Pioneers of Modern China”, 2005). В то время как Англия, Испания, Португалия и Нидерланды покоряли «голубые моря», Китай продолжал плавать в «грязных жёлтых водах» своей реки. Будучи зажатым между Хуанхэ и Великим каналом, даже адмирал Чжэн Хэ (1371–1434), крупнейший китайский мореплаватель, так и не совершил заморских завоеваний, упустив исторический шанс. Вместо того чтобы стать «голубой империей», Китай так и остался «жёлтой империей».

Великая стена не помогла остановить «варваров», которые в конце концов стали правящей династией, однако самих китайцев держала взаперти. Наконец, Дракон, символ императора и небесного мандата, «ограничил» разделение властей – ведь под небесами мог парить лишь один Дракон, – так что Китай не мог иметь современную «парламентскую систему» и был обречён на то, чтобы остаться «средневековым», закрытым.

Демократия прибрежных провинций

На собрании “Восьми бессмертных” 21 мая генерал Ван Чжэнь недвусмысленно обвиняет Дэн Сяопина в том, что тот слишком долго прикрывал Чжао Цзяна. Он заявляет, что «эта “голубая” или “прибрежная” цивилизация, настолько превознесённая в “Элегии реки”», была на самом деле «цивилизацией хищников и бандитов». Дэн же недооценил спайку между «своего рода культом личности» молодого генерального секретаря и восхождением прибрежных провинций, даже когда они потребовали парламентской демократии против “Дракона”, то есть против самого же Дэна, и проявляли свой радикализм во время “паники” 1988 года, в чём их обвинил старый Чэнь Юнь.

Стоит отметить, что ориентация Чжао на плюрализм, судя по данной интерпретации, являлась лишь частичной линией, которая претендовала на роль всеобщей: требование плюрализма сводилось к тому, что больший вес в конечном итоге получили бы провинции, ориентированные на мировой рынок. “Восемь бессмертных” возражали и хотели, чтобы плюрализм гарантировался бы Драконом, то есть централизацией «пяти озёр и четырёх морей» Китая, которые, согласно известной формуле Дэна, представляют собой совокупность ключевых экономических зон, в число

которых входит и регион Хуанхэ. Два противоположных движения: плюрализм и централизация – диалектически едины и регулярно находят моменты своего определения в китайской истории. Но вернёмся к героям этой истории.

Масштабы и плюрализм

10 мая в Политбюро обсуждаются плюрализм и вопрос о средствах массовой информации. Чжао Цзян выступает против Цзян Цзэминя, секретаря Шанхая, который зацензурировал *World Economic Herald*, независимую газету, основанную Цинь Бэньли в 1980 году. Цзян обвинил эту либеральную шанхайскую газету в попытке возродить “буржуазный либерализм”, ранее подавленный после смещения Ху Яобана, воспользовавшись поводом, предоставленным похоронами бывшего генерального секретаря. Чжао заявляет, что Цзян «действовал поспешно и неосмотрительно в вопросе Herald». Ли Пэн, однако, в своих дневниках утверждает, что, увидев, как “Жэньминь жибао” подбадривает студентов в Пекине, Цзян Цзэминь понял, какую силу имеют СМИ, и быстро закрыл *Herald* 26 апреля (“The Critical Moment”, 2010). По сути, операция с «редакционной статьёй от 26 апреля» в “Жэньминь Жибао”, инициированная Ли Пэном, была той же самой направленности.

Чжао считал, что «в такой большой стране, как наша, невозможно избавиться от всех проблем. Проблемы у нас будут всегда, но в большинстве случаев они не будут слишком серьёзными». Шанхай считал, что разноголосоцию можно «сгладить», но Чжао, напротив, хотел дать плюрализму выражение через «демократию и законность» – то есть в рамках определённой степени демократии, включающей свободу выражения в СМИ, при этом ограниченной законом. Эту линию также поддержал Ху Цили, центральный уполномоченный за пропаганду, выходец из Комсомола Ху Яобана: «Реформа информационных органов может сыграть важную роль в ускорении демократизации. Критическая пресса поможет поддержать жизнеспособность и долголетие нашей Партии и правительства».

Пространство и время демократии

Тем временем в Политбюро Чжао Цзян и Ли Пэн предлагают две противоположные интерпретации возможных границ демократии. Ли Пэн в своём выступлении указывает, что «уже были попытки захватить власть на местном уровне»: «И это мы называем демократией? [...] Если пустить всё на самотёк, весь наш народ может погрузиться в хаос». Следовательно, «требования демократии нужно ограничить в соответствии с нашими национальными реалиями; мы можем продвигаться только медленно и методично, в согласии с установленными процедурами. Нельзя поддаваться эмоциям и терять объективность».

Таким образом, Чжао был обвинён в форсировании темпов. Однако вопрос времени связан с вопросом пространства. Чжао полагал, что плюрализм необходим, поскольку Китай слишком велик; по мнению Ли, напротив, именно потому, что Китай слишком велик, больший плюрализм означает риск образования внутренних трещин, за которые ухватятся иностранные державы. Это проявлялось и в самом Политбюро: Пекин выступил за порядок, Тяньцзинь – за «удушающий» диалог со студентами, а Шанхай – за «сред-

ХРОНОЛОГИЯ: РАВНОВЕСИЕ ВЛАСТЕЙ ПОБЕЖДАЕТ ЧЖАО ЦЗЯНА

19 мая. На рассвете Чжао Цзян встречается со студентами на площади Тяньаньмэнь. По указанию его личного секретаря Бао Туна «три института и одна ассоциация» Пекина требуют срочного созыва Всекитайского собрания народных представителей, чтобы выступить против «закона о военном положении». В 116 городах проходят манифестации, число участников в 19 крупнейших городах оценивается более чем в десять тысяч. Чжао просит три дня отпуска по болезни.

20 мая. Премьер Ли Пэн подписывает «закон о военном положении». В Пекине проходит шествие журналистов “Жэньминь жибао”. Манифестации в 132 городах. Первоначально провинциальный комитет Шанхая высказывается за «военное положение».

21 мая. На собрании “Восьми Бессмертных” остро обсуждается «проблема Чжао Цзяна». Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь – согласно одной из версий, уже пришедшие к соглашению с Дэном – предлагают кандидатуру Цзян Цзэминя на смену Чжао. Названы также имена Сун Пина и Ли Жуйхуаня в качестве кандидатов в Постоянный комитет. Ян Шанкунь говорит, что семь командующих Армии уже написали Дэну о своей оппозиции «военному положению». Чжао Цзян пытается вернуть из Канады Вань Ли, председателя ВСНП.

22 мая. “Восемь Бессмертных” созывают Политбюро, Центральную военную комиссию и Постоянный комитет парламента. В крупнейших городах проходят массовые манифестации. В иностранной прессе Генри Киссинджер отстаивает позицию Джорджа Буша – старшего, который предложил не выступать с чрезмерной поддержкой студентов.

23 мая. Центр информирует руководителей провинций о смещении Чжао Цзяна. Цзян Цзэминь приветствует Ван Ли в Шанхае. Крупнейшая демонстрация в Пекине требует отставки Ли Пэна и отмены «военного положения». Манифестации в 87 городах; около 400 тысяч участников в Гуанчжоу.

25 мая. По инициативе бывшего директора “Жэньминь жибао” Ху Цзинься несколько десятков членов Постоянного комитета ВСНП подписывают петицию о созыве чрезвычайной сессии и отстранении Ли Пэна. В Пекине и Шанхае проходят манифестации в поддержку петиции.

27 мая. Из Шанхая Вань Ли объявляет о своей поддержке «военного положения». Бао Тун арестован, а Чжао Цзян помещён под домашний арест. Манифестации начинают постепенно затухать как в провинциях, так и в Пекине.

28 мая. “Восемь Бессмертных” встречаются с членами парламента и Народной консультативной комиссии, прежде чем отдать приказ об очистке площади Тяньаньмэнь.

31 мая. В кабинете Чэнь Юня “бессмертные” обсуждают, стоит ли сохранить членство Чжао Цзяна и Ху Цили в Политбюро или, по меньшей мере, в Центральном комитете, и в какой мере нужно кооптировать потерпевшие поражение течения.

1 июня. По инициативе Ли Пэна МГБ выпускает доклад против людей Чжао в парламенте, пекинских мозговых центрах, университетах, газетах и Фонде Сороса. Правительство встречается с пекинскими профессорами.

3–4 июня. Армия вступает в Пекин и очищает площадь Тяньаньмэнь, убивая неизвестное число манифестантов (по официальной версии, около 300; по версии Хань Суння, около 500; по другим версиям, тысячи).

5–8 июня. Массовые протесты в десятках крупных городов и их разгон силами милиции или армии. Приняли участие порядка 600 тысяч человек, однако затухающим из дня в день трендом. Первые аресты. В одном только Пекине арестована тысяча человек.

16 июня. Дэн представляет Постоянному комитету «третье поколение»: нового генерального секретаря Цзян Цзэминя, Ли Пэна, Яо Илуня, Цяо Ши, Ли Жуйхуаня и Сун Пина. Чжао Цзян остаётся членом партии.

19–21 июня. На расширенном собрании Политбюро линия Чжао оказывается в меньшинстве. Дэн настаивает на продолжении «реформ и открытости».

23–24 июня. IV Пленум XIII съезда КПК избирает новый Постоянный комитет Политбюро и ставит точку в политическом кризисе на площади Тяньаньмэнь.

ний путь». При этом такие провинции, как Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун и Сычуань с разными вариациями поддерживают «выступление 4 мая» Чжао.

Тезис Сун Пина о масштабах и политической форме

Кризис на площади Тяньаньмэнь, став определяющим моментом для Китая, послужил также проверкой соотношения сил между провинциями и политическими течениями. Сун Пин, выходец из органов госплана и орготдела ЦК, принятый в Постоянный комитет в июне 1989 года, уже в сентябре в своей речи в Пекинском университете связывал вопрос политических форм с размерами Китая и двумя внутренними диспропорциями (Собрание сочинений, Янчжоу, 2000).

Сун отвергает идею, что Пекину стоило бы поощрять «парламентскую демократию [...] и разделение властей», и поддерживает, напротив, сингапурское определение китайской системы как «консультативной демократии». Можно догадаться, что он имеет в виду, подводя итоги кризиса Тяньаньмэнь, если посмотреть на связь между масштабом Китая и его политической формой, между ко-

личеством и качеством. Классическое разделение властей на три ветви в либеральном государстве, разработанное западной буржуазией, внешне «выглядит очень живым», но не подходит для Китая. Почему? Потому что в Китае «более миллиарда жителей» и он имеет «очень низкую производительность» в сравнении с западными конкурентами, значит, неизбежно испытывает «неоднородное социальное и экономическое развитие».

Если бы Китай на этапе своего развития «строго» придерживался демократического разделения властей – того самого процесса, который на Западе занял «столетия», а в Китае продолжается всего лишь «около сорока лет», – внутренние неравенства могли бы привести к «гражданским конфликтам», и нетрудно представить, что именно «разделение властей» этому бы поспособствовало. По сути, это означало бы, что различные ветви власти начали бы противоборствовать на региональном уровне. Именно в этом состоял ответ на критику, показанную в “Элегии реки”.

Забывтое рабочее сопротивление в Австрии

Состоявшаяся в сентябре 1938 года Мюнхенская конференция, на которой чехословацкая Судетская область была передана нацистской Германии, обычно считается точкой невозврата, спустя год после которой разразилась война и произошёл раздел Польши Гитлером и Сталиным. Но всего несколькими месяцами ранее, в марте 1938 года, немецкие силы вошли в Австрию и присоединили её к Рейху.

Конечно, никто не забывает про эту унификацию Гитлера, но зачастую её рассматривают как последний акт тридцатых годов. В конце концов, по мнению многих историков, Австрия никогда не была по-настоящему «оккупированной страной»: к моменту зарождения движения Сопротивления она якобы уже стала частью Германии, поэтому оппозиционная деятельность в её пределах к нему не относится, так как, по нынешним представлениям, Сопротивление обязательно имело характер национальной борьбы за независимость от немецких оккупантов, которую вели вооружённые отряды.

Долгое сопротивление

Но факты говорят об обратном. Помимо 380 тысяч погибших на разных фронтах мобилизованных австрийцев, ещё 74 тысячи австрийских солдат были приговорены к длительным срокам заключения или расстреляны за «разлагающую деятельность в немецкой армии». 65 тысяч евреев были депортированы; «из более чем десяти тысяч еврейских детей, находившихся в Вене в день прибытия Гитлера, выжили только сто пятнадцать». За сопротивление нацистскому режиму 100 тысяч человек были заключены в тюрьмы, а 35 тысяч казнены или убиты в лагерях и тюрьмах (Vaccarino G., «Storia della Resistenza in Europa», 1981).

Для нас, как и для немецких рабочих, это является «забытой страницей европейского Сопротивления» – забытой, поскольку она не вписывается в официальную риторику, построенную на придании субъектности только националистической оппозиции.

Во времена Веймарской республики Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДРПА) критиковала правую социал-демократию, но дистанцировалась и от большевиков, выступая за своего рода третий путь. Отто Бауэр на съезде партии в Линце в 1926 году поставил цель завоевания власти парламентским путём, не прибегая к насилию, если только контрреволюция не применит его первой. Поэтому, чтобы увидеть полную картину, стоит вернуться к 1930-м годам (Marra-
tao G., «Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre», 1977).

Конец «Красной Вены»

На парламентских выборах 1919 года СДРПА получила относительное большинство и сформировала правительство совместно с христианскими социалистами: были приняты важные социальные меры и реализованы урбанистические нововведения в виде муниципального жилья в так называемой Красной Вене. Насчитывавшая 400 тысяч членов, СДРПА удерживала власть в столице до 1934 года, но именно в этот период нарастал разрыв между Веней и остальной крестьянской страной. Подстрекаемые реакционерами, жители внутренних регионов воспринимали Вену, со всеми её рабочими, как коррумпированный и паразитический мегаполис.

Уже в 1920 году правительственная коалиция распалась, и СДРПА оказалась в оппозиции, несмотря на то что контролировала мощную рабочую милицию (Шуцбунд¹), насчитывавшую 80 тыс. организованных бойцов, из которой была исключена пока ещё слабая сталинистская² партия (Коммунистическая партия Австрии, КПА). Ей противостояла патриотическая милиция (Хеймвер³),

возникшая в Каринтии. Впоследствии Хеймвер объединился с австрийскими нацистами, что привело к эпизодической, но жестокой гражданской войне, в которой участвовала и полиция, расстреливавшая рабочие демонстрации.

В феврале 1934 года, чтобы предвосхитить планы Гитлера по аншлюсу и воспрепятствовать им, правительство во главе с христианскими социалистами при поддержке Ватикана и Муссолини (который хотел «удержать немцев подальше от перевала Бреннер») приостановило деятельность парламента и объявило вне закона СДРПА, в то время как КПА была объявлена вне закона годом ранее. Шуцбунд оказал сопротивление и храбро сражался в Вене в течение трёх дней, без какого-либо убедительного политического руководства со стороны СДРПА и при дистанцировании вождей КПА. Последних связывала политика борьбы с «социал-фашизмом», навязанная Москвой, которая называла злейшим врагом именно социал-демократию.

По оценкам, 2 тысяч рабочих погибли, ещё 5 тысяч получили ранения, включая женщин и детей, забаррикадировавшихся в новых образцовых рабочих кварталах, которые подверглись артиллерийскому обстрелу. Последовали суровые приговоры и повешения, причём даже раненых бойцов тащили к виселице на носилках, как, например, Карла Мюнхенрейтера, одного из самых известных лидеров Шуцбунда.

Канцлер Австрии Энгельберт Дольфус (в июле 1934 года он будет убит СС) провозгласил новую конституцию и ратифицировал Конкордат с Ватиканом с одобрения Муссолини и согласия других держав.

Австрия в нацистском рейхе

В марте 1938 года Австрия, которую Муссолини бросил, чтобы вступить в союз с Гитлером, была окончательно присоединена к Германии, после чего 75 тысяч противников аннексии были немедленно депортированы. Началом формирования Сопротивления стал раскол левых социалистов с бессильным руководством СДРПА и их первоначальное сближение с КПА. Многие выжившие боевики Шуцбунда нашли убежище в СССР, но стали жертвами Сталина. Эта участь постигла и сына их беспорочного лидера Юлиуса Дойча. В то время как отец после поражения в Вене отправился в Испанию воевать в составе интербригад, его сын Густав эмигрировал в СССР, где был арестован, подвергнут пыткам и убит в 1938 году.

Эта история важна как минимум по двум причинам. Во-первых, это была социал-демократия со своей глубокой и

консолидированной теорией и политической линией, с признанными лидерами и сильной электоральной поддержкой. Базируясь в крупной столице, она располагала силой вооружённых, обученных и самоотверженных ополченцев.

В общем, это была мощная социал-демократия, которая была разгромлена фашистской реакцией не сразу после первой мировой, а лишь в середине 1930-х годов. Она потерпела поражение не только из-за действий врага, но и из-за бессилия легалистской политики, ориентированной на парламентаризм, даже если она при необходимости и проводилась в максималистских тонах. Это поражение, возможно, оказалось даже более серьёзным, чем полученное на поле боя, потому что из него так и не были вынесены уроки на будущее.

Во-вторых, это подтверждение того, что российский государственный капитализм, двигаясь к империалистической войне, теперь систематически наносил удары по всем, кто имел опыт настоящей борьбы – начиная от осуществивших Октябрь большевиков и заканчивая немецкими коммунистами, которых сдали в гестапо; от боевиков испанской гражданской войны до социал-демократических ополченцев австрийского Шуцбунда.

Сталинизм уничтожает Шуцбунд

Эрнст Фишер, хотя и находился в Москве в качестве представителя КПА в Коммунистическом интернационале (КИ), с болью описывает в своих воспоминаниях («Erinnerungen und Reflexionen», 1969), с каким отчаянием и беспомощностью ему пришлось наблюдать уничтожение всех представителей Шуцбунда. Его свидетельства становятся ещё драматичней от того, что в ту пору он ещё был привержен сталинизму, от которого откажется только после войны, и безоговорочно доверял тогдашним вождям.

«Террор, масштабы которого я поначалу совершенно не осознавал, начал затрагивать первых членов Шуцбунда. Когда я пытался выяснить что-либо о судьбе этих людей [...], мне отвечали, что речь идёт о заведомо «неблагонадёжных элементах», и каждый случай якобы подвергается тщательной проверке. [...] «Вы не должны заниматься работой консула!» – говорил Тольятти, когда я проявлял беспокойство из-за тяжёлых обстоятельств, с которыми сталкивались члены Шуцбунда. – «Сосредоточьтесь на своей политической и публицистической деятельности!»».

«Затем последовали новые аресты «неблагонадёжных элементов». Захватывали людей из Шуцбунда, которых я считал храбрыми, честными и абсолютно преданными социализму. Затем я на-

прямую обратился к Димитрову [генеральному секретарю КИ]. «Вы действительно уверены, что можете доверять этому человеку при любых обстоятельствах?» – сказал Димитров. – «Мы не вправе вмешиваться в распоряжения НКВД. Однако, поскольку вы столь решительно вступаетесь за этих товарищей, я наведу справки»».

Аресты продолжались: «Сначала пропадали из своих квартир ранним утром лишь отдельные члены Шуцбунда, затем их стали десятки, потом сотни. [...] Мне оставалось только снова и снова обращаться к Димитрову. Но всё чаще на его лице появлялось выражение нетерпения и раздражения: «Не стоит так настаивать. Всё должно идти своим чередом». [...] Когда я вмешался в сотый раз, то столкнулся уже с категорическим отказом. Димитров не хотел выслушивать бесконечные просьбы и жалобы. Сегодня мне ясно, что тогда я переоценивал его влияние».

Никто, пишет Фишер, «даже не осмеливался подумать о том, что именно Сталин являлся вдохновителем этой методичной безумной машины, аппарата, который перемалывал всех, кого боялся параноидальный диктатор. Эта мысль казалась мне тогда просто невыносимой, я не мог осознать масштаба террора, не видел всей системы уничтожения старых большевиков, всех, кто не был или однажды мог перестать быть за Сталина, кто мог стать его соперником, кто воплощал дух революции, пользовался авторитетом в армии, среди интеллигенции и нерусских народов. Поэтому я метался в сомнениях, цепляясь за любые объяснения, хоть немного похожие на правду».

В нашей интерпретации властолюбивый и «параноидальный» Сталин с его террором был лишь выражением социального и политического процесса утверждения государственного капитализма, который подавил революцию и шёл к империалистической войне, и потому не мог терпеть никаких альтернативных ориентиров, к которым могли бы обратиться массы.

Lotta comunista, январь 2025 г.

1 – Шуцбунд был образован в 1923 году.
2 – Очевидно автор имеет в виду будущая сталинистская партия.

3 – Хеймвер – «Союз защиты родины» – националистическое, военизированное объединение. В Верхней Австрии оно участвовало в подавлении забастовок, в том числе в вооружённом подавлении забастовки в Вене 15 июля 1927 года. После 1927 года хеймверу оказывал поддержку Муссолини за обещание защиты итальянской границы от немецкой угрозы взамен признания Южного Тироля итальянской территорией.



Подпись под фото: Муниципальные дома Вены, обстрелянные из артиллерии в 1934 году.

Региональные партии в индийской политике

“Шив Сена” – переменчивый союзник из Махараштры

Махараштра, штат с крупнейшим ВВП в Индии, за последнее десятилетие замедлил рост из-за политической нестабильности. Государственные экономические отчёты прогнозируют, что уже в следующем десятилетии его лидерство оспорят Тамилнад, Карнатака, Гуджарат и даже Уттар-Прадеш.

Эта динамика стала одной из ключевых тем последних выборов в Законодательное собрание штата. В ходе предвыборной кампании предлагались программы социальной поддержки, аналогичные тем, что действуют в менее развитых регионах субконтинента, а также прозвучало множество обещаний для более чем 350 отсталых субкаст (так называемых ОВС – *прочих отсталых классов*) и 50 подгрупп “зарегистрированных каст” (в основном далитов, “неприкасаемых”), которые пользуются квотами при приёме на государственную службу и поступлении в высшие учебные заведения. Однако убедительная победа БДП, которая в одиночку почти достигла парламентского большинства, интерпретируется всеми ведущими СМИ как голосование в пользу развития.

Санджая Бару, бывший советник премьер-министра Манмохана Сингха (2004–2008) и экс-генеральный секретарь Федерации торгово-промышленных палат Индии, считает, что политический контроль как над национальной столицей – Дели, так и над финансовым центром – Мумбаи, укрепит и повысит эффективность третьего срока Нарендры Моди. Если бы БДП проиграла в ключевом штате Махараштра, итоги прошедших национальных выборов могли бы оказаться под сомнением.

The Indian Express, газета с глубокими корнями в Мумбаи, пишет о возвращении на авансцену региональных сатрапов. После долгих переговоров главным министром был назначен Девendra Фаднавис, лидер БДП в штате. Однако национальное руководство партии предпочло бы видеть на этой должности Экната Шинде, лидера Шив Сены – регионального союзника БДП, укоренённого в наиболее развитых городских районах штата. Такой выбор соответствовал бы “*дхарме*” коалиции – логикой союзов как на федеральном уровне, так и в других штатах. По сравнению с крайней централизацией образца 2023 года, когда главные министры назначались из Дели высшим руководством БДП, кажется, что возвращаются времена 2004–2014 годов, когда могущественные сатрапы партии – включая самого Моди – доминировали в своих штатах. Сегодня это Фаднавис в Махараштре, Йоги Адитьянатх в Уттар-Прадеше и Химанта Бишва Шарма в Ассаме. Но в отличие от тех лет, сейчас это происходит при сохранении сильного центра.

Индийское единство и языковые штаты

Образование Махараштры стало одним из ключевых событий в политической реорганизации Индии после обретения независимости. Штат возник в результате слияния территорий провинции Бомбей (одной из трёх крупных административных единиц Британской Индии) и княжеств, находившихся под её юрисдикцией, – Декана и Гуджарата. Он простирался от северного Гуджарата до северо-западной Карнатаки,

включая треть современного Гуджарата и большую часть Махараштры. Однако регионы Видарбха и Маратвада, населённые маратхиязычным населением, оставались вне его пределов.

Требования о создании штата с преобладанием маратхи, впервые прозвучавшие ещё в 1920-х годах, усилились после получения независимости, что подтолкнуло и лидеров гуджаратцев к борьбе за собственный штат. Это усугубило напряжённость вокруг статуса Бомбея – города, экономически контролируемого гуджаратцами, но окружённого маратхоязычными районами. В 1955 году Комитет по реорганизации штатов предложил сохранить двуязычный штат Бомбей и создать штат Видарбха. Предложение было отвергнуто, и в 1956 году в состав двуязычного штата Бомбей вошли Маратвада и Видарбха, ранее принадлежавшие княжеству Хайдарабад и Центральным провинциям (британской территории, соответствовавшей западной части современного Мадхья-Прадеша).

Последующая борьба за создание гуджарати- и маратхиязычных штатов привела к разделению штата Бомбей 1 мая 1960 года с образованием современных Махараштры и Гуджарата. Историк Рамачандра Гуха в книге “*India after Gandhi*” подчёркивает, что как лидер Индийского национального конгресса (ИНК) Джавахарлал Неру, так и глава индуистской националистической организации RSS (Союз добровольных слуг родины), маратх М. С. Голвалкар считали создание штатов по лингвистическому принципу угрозой единству Индии, но уступили давлению местных лидеров.

Маратхи, исторически представлявшие собой доминирующую аграрную касту, сегодня составляют около 30 % населения Махараштры. С 1960 года представители маратхов занимали пост главного министра штата в 12 из 20 случаев. Начиная с 1960-х годов, маратхская элита контролировала агропромышленный сектор, а с 1990-х распространила своё влияние и на сферы недвижимости и образования. После кризиса ИНК в 1970-х годах рост маратхской буржуазии способствовал подъёму таких политических сил, как “Шив Сена” Бала Тхакерея и Партия националистический конгресс (NCP) Шарада Павара.

Маратхский нативизм

“Шив Сена” буквально означает “Армия Шиваджи” – правителя, основавшего маратхское государство в XVII веке. Партия, созданная в 1966 году политическим карикатуристом Балом Тхакреем, позиционировала себя как защитницу рабочих мест для маратхов, выступая против мигрантов из Южной Индии. Давал С. Кулкар, автор книги “*The cousins Thackeray: Uddhav, Raj and the shadow of their senas*” (2019), связывает эти нативистские взгляды с идеями, которые в 1922 году продвигал “Прабодханкар” Кешав Ситарам Тхакрей, отец Бала и один из лидеров антибрахманского движения, выступавшего против привилегий кастовой системы.

На заре своего существования “Шив Сена” боролась за увеличение представительства маратхских выпускников среди “белых воротничков” и с их отставанием от других общин, требуя квот при приёме на работу в банки, полугосударственные организации и фи-



нансовые учреждения. С самого начала партия сочетала насильственные методы с предоставлением социальных услуг и демонстрацией солидарности. Насилие против мигрантов из других штатов позже было дополнено атаками на сталинистские просоветские или прокитайские партии, доминировавшие в профсоюзах. Суджата Анандан, автор книги “*Samrat: how the Shiv Sena changed Mumbai forever*” (2014), отмечает, что даже лидеры партии признавали поддержку со стороны ИНК, предоставляемую с целью ослабить влияние оппозиционных партий среди рабочих в промышленных зонах Бомбея.

В отличие от других нативистских движений, “Шив Сена” даже на раннем этапе никогда не ставила под сомнение господство местного капиталистического класса и гуджаратских “шетхов” (торговцев, буржуазии): её единственной мишенью были почти исключительно мигранты.

После краткого всплеска популярности в 1960-х партия пережила период застоя: стратегия “сынов почвы” перестала работать. В 1970-х её влияние не распространялось дальше городов Бомбей и Тхана или прибрежного региона Конкан, тесно связанного с маратхской миграцией в эти города.

Шив Сена и хиндутва

В середине 1980-х “Шив Сена” попыталась расширить влияние в сельских районах, вступив в конфликт с ИНК и сделав ставку на идеологию *хиндутвы*. В 1984 году она создала “Хинду Махасангх” (Великую индуистскую организацию) для конкуренции с “Вишва Хинду Паришад” – индуистской националистической организацией из круга RSS, участвовавшей в погромах начала 1990-х, которые привели к разрушению мечети в Айодхье. Сместив акцент с этнического маратхского национализма на общерелигиозную индуистскую повестку и примкнув к набирающей силу идеологии *хиндутвы*, партия добилась electoralных успехов. По мнению политолога Мэри Фейнсод Катценштейн, важную роль сыграла организационная мощь “Шив Сены”, включая вооружённые банды “шив саиников” – “солдат Шиваджи”, а также неспособность других партий и самого государства эффективно этому противостоять.

Усилив антимусульманскую риторику, в 1989 году “Шив Сена” вступила в союз с БДП, а на выборах 1995 года положила конец почти пятидесятилетнему правлению ИНК и его фракций. Утратив нативистский характер и став маратхским крылом хиндутвы, “Шив Сена” превратилась в ценного регионального партнёра. Союз с БДП, длившийся почти 35 лет, позволил ей даже на время обогнать союзника – до прихода Моди.

На выборах 2014 года в Лок Сабху, сопровождавшихся волной поддержки Моди, Махараштра вступил в новую политическую эпоху, где БДП стала доминирующей партией. “Шив Сена” под руководством Уддхава Тхакрея, сына её основателя, разорвала альянс и пошла на следующие выборы в одиночку, но после убедительной победы БДП неохотно вошла в правительство под руководством Фаднависа.

“Шив Сена” между ИНК и БДП

Разрывам и сменам союзов предшествовали постоянные кризисы: на выборах 2019 года БДП удвоила количество мест по сравнению с маратхским союзником, но не смогла сформировать правительство. Уддхав Тхакрей стал главным министром в коалиции с ИНК и NCP, что вызвало недовольство маратхских фракций внутри партий.

Коалиция распалась в 2022 году, когда фракция “Шив Сены” под руководством Экната Шинде, контролирующая Тхану, перешла на сторону БДП. В обмен Шинде получил пост главного министра. Позже к правительству присоединилась фракция NCP во главе с Аджитом Паваром, племянником основателя партии Шарада Павара.

Эта комбинация партий подтвердила свои позиции на последних выборах, но политическая сцена Махараштры остаётся динамичной и непредсказуемой, поскольку маратхские фракции внутри как национальных, так и региональных партий постоянно пересматривают свои стратегии. Пока расколы в традиционных региональных партиях – “Шив Сене” и NCP – позволяют БДП укрепляться в качестве доминирующей силы штата.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

Последнее сражение большевиков

Поколению Ленина удалось направить *двигатель войны* на реализацию революционной стратегии в условиях, когда *двигатель разложения крестьянства* пополнял города европейской части России миллионами новых молодых пролетариев, а ужасные условия труда порождали рост стихийной классовой борьбы, в которой участвовали миллионы наших товарищей по классу. В окопах и на кораблях первой мировой империалистической войны оказались тысячи большевиков, анархистов, эсеров-максималистов с опытом классовой борьбы и выкованным в ходе неё сознанием. Именно эта сила была хребтом пролетарского Октября, но и её оказалось недостаточно – гражданская война, мелкобуржуазная стихия, а затем и сталинистская контрреволюция в условиях поражения попытки европейской революции не позволили ей довести начатую борьбу до поставленной цели.

Но тем не менее, даже во второй половине 20-х годов численность децистов, – наиболее последовательных критиков сталинизма, составляла около 2 тыс. человек, из них 500 – в Москве и Ленинграде. «Децистами» называли участников группы демократического централизма, которую возглавляли старые большевики Тимофей Сапронов (1887–1937) и Владимир Смирнов (1887–1937). Кто-то назвал их «левеллерами» русской революции – в честь наиболее радикального крыла Английской революции XVII века. Их не интересовали посты в иерархии сталинской партии и государства – они боролись за интересы пролетариата, сохраняя верность своим принципам. Почти все децисты были расстреляны, но никого из них не удалось вывести на показательные процессы и заставить оклеветать себя и своих товарищей.

Подпольные центры «групп пролетарской оппозиции», как они стали себя называть в 1928–1929 годы, координировали довольно массовые листовочные кампании, ориентированные прежде всего на промышленные предприятия, где они имели серьёзную опору среди рабочих. На этот аспект следует обратить внимание: даже в мрачную эпоху 30-х годов, когда сталинская контрреволюция в СССР, нацизм и фашизм в Европе доводили классовое господство буржуазии до крайних форм репрессивной диктатуры, революционные марксисты сохраняли поддержку среди пролетарских масс.

В листовках децисты прямо называли вещи своими именами: в СССР победила контрреволюция; государство, ВКП(б) и так называемые «общественные» организации (официальные профсоюзы и пр.) враждебны пролетариату, являются орудиями его угнетения и эксплуатации; нужно готовиться к новой революции, строить новую рабочую партию, а пока вести оборонительную борьбу против наступления правящего класса на права и интересы наёмных рабочих. Им было очевидно, «что сроки мировой революции перенесены на неизвестное будущее», а построение социализма в одной стране «равносильно построению социализма в одном уезде»¹, – пишет в своих воспоминаниях Эдуард Дунэ (1899–1953), один из немногих выживших членов этой группы, который много лет провёл в воркутинских лагерях, но смог эмигрировать из СССР во время второй мировой войны. Во Франции он участвовал в партизанском движении;

затем, оказавшись в одиночестве, примкнул к меньшевикам, но остался верен своим взглядам, о чём свидетельствует опубликованный в 1947 году текст.

Уже осенью 1926 года децисты покинули троцкистско-зиновьевскую объединённую оппозицию, посчитав её политику в отношении сталинского руководства недопустимо примиренческой и непоследовательной. Как выразился с рабочей прямотой Сапронов: «Мы Троцкому чистить сапоги не будем!». При этом следует отметить, что в ряде крупных региональных отделений «объединённой оппозиции» – на Донбассе, в Брянске, Свердловске – влияние децистов было преобладающим.

Организация децистов изначально строилась не как внутрипартийная фракция, а как сеть законспирированных ячеек, рассчитанная на работу в условиях подполья. Этим она отличалась от троцкистских групп, которые бросали все свои силы на участие в партсобраниях, тщетно пытаясь победить партаппарат «конституционными» средствами. Показательно, что в группу принимали как старых большевиков, так и беспартийных.

«Борьба за внутрипартийную реформу не сможет дать ничего существенного, будет ли у власти Сталин или Троцкий. ВКП(б) уже в настоящее время (1926 г.) не является партией рабочего класса и не выражает интересы рабочего класса», – пишет Дунэ. Поэтому децисты ставили перед собой задачу не борьбы за смену Сталина Троцким или другим лицом, а понимали, что их ждёт «кропотливая, длительная работа» по созданию «настоящей пролетарской партии». Это был крайне тяжёлый выбор. «Сталин пугал свою партию опасностью раскола и гибели диктатуры пролетариата – советской власти. Тем же пугали троцкисты, но они не заметили, что раскол нужен был Сталину, что советская власть ликвидирована при Сталине. Но теперь? Теперь, как и раньше, бывшая внутрипартийная оппозиция разрознена и не в силах создать единую организацию среди единомышленников, сидящих по политизоляторам. [...] Морально мучительно рвать со всем своим прошлым, признать, что десятки лет своей сознательной жизни нужно списать со счёта как ошибочные. Это уж не из области фактов, а психологии, но тем не менее она (наша психология) не всегда разрешала видеть реальную картину».²

Создав автономную организацию, децисты не выступали открыто, не собирали подписи под своими документами, а предпочитали вести индивидуальную работу с людьми и проводить листовочные кампании. «Наши низовые организации (ячейки) насчитывали не более 5 человек, при наличии большего количества – новая ячейка в том же предприятии. Представители ячеек выбирали представителей в центры. Такие центры я знал: на Украине (Харьков), Донбассе (Луганск), Урале (Свердловск) и Москве. В Москве помимо местного центра существовал свой «Литературный центр». В Ленинграде такого центра не существовало, так как было очень мало наших сторонников (знаю, так как отвозил туда чемодан с литературой)»³. Ленинград был главным центром троцкистско-зиновьевской оппозиции. «От имени группы могли говорить, выступать на собраниях лишь те, которые себя расшифровали [то есть, рассекретили]. В неизбежных случаях во внутрипартийных спорах могли говорить от имени троцкистов. Такая конспирация не могла

Война между Израилем и Ираном – при непосредственном участии США – временно отодвинула на второй план агрессию российского империализма против Украины и, по сути, заставила позабыть недавнюю сточасовую войну между Индией и Пакистаном – двумя ядерными державами. Идёт борьба за рынки, за сферы влияния. Все государства и фракции капитала преследуют собственные цели, формируя для этого системы альянсов, проводя разнообразные саммиты. Мировой империалистический порядок шатается, и калейдоскоп событий находит многоголосое отражение в различных средствах массовой информации. Комментаторы, обслуживающие интересы тех или иных фракций мирового капитала, дают разъяснения и делают прогнозы, каждый для своей собственной целевой аудитории.

В мире, расколотом по ключевой линии антагонизма между трудом и капиталом, не может быть единства правящего класса – буржуазии: она занята борьбой за перераспределение долей присвоенной прибавочной стоимости, то есть той части общественного продукта, которая была произведена мировым классом наёмных работников. Стремление законсервировать это положение вещей, по сути, и лежит в основе всех попыток преодоления противоречий между различными фракциями капитала.

Эпоха буржуазных революций закончилась, буржуазия стала всемирным господствующим классом, в её среде уже никогда не появятся новые Наполеоны и Кромвели. Капитализм находится на самой зрелой своей стадии – империалистической. С завершением колониальной эпохи и образованием национальных государств ни один отряд буржуазии не может больше вести прогрессивных войн – сегодняшние войны между буржуазными государствами реакционны со всех сторон, они не способны дать импульс к ускорению капиталистического развития. Но очевидно, что ещё не пришло и время слома текущего мирового порядка, поэтому Сталины и Гитлеры современности пока ещё не востребованы собственным классом.

Исторический опыт и метод диалектического материализма позволяют предвидеть направление движения: кризис сложившегося по итогам распада СССР постялтинского мирового порядка – в результате войны между ведущими державами или через серию региональных войн, свидетелями которых мы уже являемся, – должен будет привести к созданию нового империалистического порядка. Ялтинский порядок пришёл на смену Версальскому, который, в свою очередь, был результатом первой мировой империалистической войны. Вырваться из адской спирали противоречивого капиталистического развития, его кризисов и войн могла бы лишь коммунистическая революция. А пока продолжается долгое время буржуазной политики.

удовлетворять молодую горячую кровь. Она стремилась к активному выступлению. Молодёжь бурлила, кипела. Для Троцкого молодёжь была барометром партии. Действительно, троцкисты впитали в себя прекрасные кадры из молодёжи, среди которых в процессе борьбы вырастали талантливые фигуры, к словам которых прислушивалась старая гвардия и зачастую шла на поводу у этой молодёжи [...]. Сторонники троцкистов все стали известны и все были сосланы. Сторонники децистов пострадали меньше»⁴. Серьёзное внимание децистами уделялось созданию нелегальных типографий, закупке множительной техники. Был даже создан свой «Красный крест» для помощи политзаключённым. Именно благодаря конспиративному характеру организации некоторые децисты погибли уже от рук гестаповцев, а не сталинистов, другие же продолжили деятельность и после второй мировой войны, причём не будучи ни разу арестованными: один работал в Институте красной профессуры, другой в Институте мирового хозяйства. Были ли другие? Неизвестно. Но и в брежневские времена, в том числе и в Харькове, где в сталинскую эпоху был один из центров децистов, существовали группы рабочей и студенческой молодёжи, утверждавшие, что у СССР был капиталистический базис, что государство – это диктатура

капитала. Вряд ли имелась непосредственная связь между децистами и этими группами, но если бы она была, то, скорее всего, сегодня мы были бы силой, которая могла бы выше поднять знамя пролетарского интернационализма.

«Организация «децистов» не имела у себя громких имён, популярных в широких партийных кругах или в стране. У нас не было ни своего Ленина, ни Плеханова, ни Троцкого. Зато была уверенность, что время поможет их найти»⁵. А ещё была уверенность, что время же проверит правильность оценок и сделанного на основе них выбора.

Это одна из многих малоизвестных страниц истории нашего класса, опыт, который должны усвоить новые поколения марксистских милитантов. В лице децистов большевизм предпринял безуспешную попытку спасти в себе то, что связывало его со стратегией мировой революции. В этом смысле их можно называть «последними большевиками».

Июнь 2025 г.

1 – Дуне (Иванов) Э. Демократический централизм // Архив Троцкого. Харьков, 2001. Т. 2. С. 391.

2 – Там же.

3 – Там же. С. 392.

4 – Там же. С. 392–393.

5 – Там же. С. 392.

Сигналы “мультиприсоединения” из восходящей Индонезии

Транстихоокеанское ТТП и азиатское ВРЭП, два крупнейших торговых соглашения, созданных в последние годы, конкурирующие и частично пересекающиеся по составу, – оба сталкиваются с проблемой выбора новых стран-участниц. С подобными же проблемами расширения и противопоставления друг другу сталкиваются ОЭСР и БРИКС, исторический клуб старых экономик и объединение крупных развивающихся стран. Усугубляют ли эти тенденции глобальную фрагментацию в условиях кризиса порядка или являются формами, в которых многосторонность ещё может сохранять остатки жизнеспособности?

Расширяющиеся зоны

Лагерь ТТП, возглавленный Японией после неожиданного выхода США из соглашения при Дональде Трампе в 2017 году, прошлым летом пополнился Великобританией. В 2021 году ажиотаж вызвала официальная заявка Китая, поданная параллельно с заявкой Тайваня, но есть и заявки из Латинской Америки, от Уругвая, Эквадора и Коста-Рики, и даже от Украины в разгар российского вторжения. Помимо множества официальных сигналов о заинтересованности, среди значимых – со стороны Южной Кореи, – обсуждается также идея о присоединении Европы по примеру Британии.

Что касается ВРЭП, где, по общему мнению, доминирует Китай, на данный момент поступили официальные заявки на присоединение от Гонконга и Шри-Ланки. Среди стран, заявивших о намерениях, выделяется Бангладеш, поскольку его присоединение усугубило бы противоречия с Индией, отказавшейся от участия в 2019 году.

Расширение ОЭСР, начиная с её первоначального евроатлантического ядра, сформировавшегося после второй мировой войны, насчитывает почти полвека истории. Только за последние тридцать лет список участников пополнился Мексикой (1994), Южной Кореей (1996), Чили и Израилем (2010), Колумбией (2020), Коста-Рикой (2021), а также рядом европейских стран: Чехией, Польшей, Венгрией, Словакией, Словенией, Эстонией, Латвией и Литвой, причём в том же порядке, в котором они присоединялись к НАТО. Наконец, в 2022 году ОЭСР запустила процесс присоединения ещё трёх европейских стран (Хорватии, Болгарии и Румынии) и трёх крупных южноамериканских государств (Бразилии, Аргентины и Перу).

Группа БРИКС, в которую на протяжении последних двух десятилетий входили Китай, Индия, Бразилия, Россия и Южная Африка, с января этого года впервые расширилась за счёт Ирана, Объединённых Арабских Эмиратов, Египта и Эфиопии, ознаменовав появление так называемой группы “БРИКС+”, к которой стремятся присоединиться многие развивающиеся и восходящие страны.

Амбициозные цели

Индонезия получила приглашение вступить в БРИКС, но на данный момент решила отдать предпочтение ОЭСР, начав переговоры о вступлении в начале этого года. В мае генеральный секретарь ОЭСР австралиец Матиас Корманн посетил Джакарту, чтобы обозначить старт процесса, и встретился с уходящим президентом Джоко Видодо и его преемником Прабово Субианто, который займёт свой пост в октябре. Индонезийское правительство способствует достижению

этой цели, создав специальную целевую группу под руководством Айрлангги Хартарто, министра экономики и председателя “Голкар”, исторической партии-государства и опоры режима Сухарто, продержавшегося с 1966 года до азиатского экономического кризиса конца 1990-х годов. На пресс-конференции Айрлангга отметил, что среди последних членов ОЭСР процесс вступления Коста-Рики занял шесть лет, Колумбии – семь, Чили – три: «Мы должны учиться у Чили». И действительно, исполнительная власть Джакарты устанавливает для себя жёсткий срок – 2027 год.

В среднесрочной перспективе принятие в “клуб богатых стран” является частью стратегии «Золотая Индонезия 2045», приуроченной к столетию национальной независимости. План предусматривает шестикратное увеличение ВВП на душу населения с нынешнего уровня около 5.000 долларов до более чем 30.000 долларов, что превратило бы великую демографическую державу Юго-Восточной Азии, население которой, по прогнозам, к этому сроку превысит 320 миллионов человек, в одну из крупнейших экономик мира, уступающую лишь США, ЕС, Китаю и Индии.

Циклы развития

Это трудная, но не недостижимая задача, если взять в качестве примера прецедент Сеула.

Когда в 1990 году Южная Корея начала переговоры с ОЭСР, её ВВП на душу населения составлял около 6.600 долларов США (данные МВФ в текущих ценах), а сегодня он превышает 33.000 долларов США – это уровень, близкий, если говорить о Европе, к уровню современной Испании. Этого же порога Япония достигла уже в начале 1990-х годов. Таким образом, расширение ОЭСР отчасти отражает смену поколений капиталистического взлёта в Азии. Между вступлением Японии в 1964 году, вступлением Кореи в 1996-м и Индонезией до 2027 года, мы видим 30-летние интервалы, которые заставляют вспомнить метафору японского экономиста Канаме Акамацу: азиатские страны следуют за японским “гусём-вожаком”, словно клин перелётных птиц. Здесь речь идёт о миграции не в пространстве, а во времени промышленного развития, с постепенным переносом производства меньшей сложности и стоимости в более отстающие страны “стаи”.

Министр Айрлангга провозглашает цель ускорить экономический рост Индонезии до среднегодовых темпов в 6 или 7 % с нынешних 5 %. Необходимость адаптироваться к стандартам ОЭСР явно преподносится как *внешнее принуждение*, которое должно подтолкнуть страну к новым реформам – либерализации торговли и инвестиций, правовой определённости, антикоррупционным законам и так далее – с целью привлечения большего количества международных инвестиций.

Политические сигналы

Как заявил президент Видодо, ему нужно больше времени, чтобы изучить преимущества и недостатки членства в БРИКС и проконсультироваться с другими странами АСЕАН, ассоциации десяти государств Юго-Восточной Азии. Между тем выбор в пользу ориентированной на Запад ОЭСР рассматривается и как дипломатический сигнал Джакарты, направленный на

защиту своей автономии от растущего китайского влияния.

Эксперт Фрайбургского университета Юрген Рюланд написал в статье на платформе *East Asia Forum*, что «*внешняя политика Индонезии имеет давнюю традицию неприсоединения*», символом которой стала Бандунгская конференция 1955 года. «*Агрессивные попытки Китая расширить БРИКС вызывают недоверие в Джакарте, напоминая о блоковом строительстве времён холодной войны, направленного против доминирования США и их западных союзников. Вступление в БРИКС было бы воспринято на Западе как признак сдвига в сторону китайского лагеря*». Индонезия уже вызвала раздражение США тем, что не осудила действия России в Украине и переговоры о свободной торговле с возглавляемым Москвой Евразийским экономическим союзом.

Войны, вызванные кризисом порядка, имеют глобальные последствия, и конфликт в Газе очень живо ощущается в Индонезии, стране с самым большим исламским населением в мире. Говорят, что Израиль потребовал от Джакарты нормализации дипломатических отношений в обмен на своё согласие не накладывать вето на её вступление в ОЭСР. Правительство Индонезии отрицает факт ведения таких переговоров и подтверждает свою поддержку палестинской стороны.

Тайский сюрприз

Таиланд с населением 70 миллионов человек и ВВП на душу населения более 7.000 долларов является второй по величине экономикой АСЕАН после Индонезии. В конце мая правительство Таиланда объявило, что решило подать заявку на вступление в БРИКС, пойдя тем самым в противоположном направлении. По данным *Bangkok Times*, премьер-министр Сеттха Тхависин проигнорировал рекомендацию собственного министерства иностранных дел, которое рассчитывало продолжить сближение с ОЭСР, начавшееся в этом году.

Цель вступления в БРИКС достижима в гораздо более короткой перспективе, возможно, уже в октябре, на следующем ежегодном саммите, который будет организован в Казани Россией как председательствующей страной¹. *South China Morning Post* напоминает, что Таиланд является историческим партнёром США и единственной страной Юго-Восточной Азии, имеющей договор о военном союзе с Вашингтоном.

По мнению Ван Ивэя (Университет Ренмин), стремление Таиланда присоединиться к БРИКС является частью региональной тенденции «*полагаться на США в вопросах безопасности и на Китай в вопросах экономики*». По мнению Чжао Чжицзяна (исследовательский центр Anbound), Таиланд – «*страна, которая практикует многосторонний подход*» и не желает конфронтации с Западом, вплоть до того, что стремится к членству в ОЭСР и переговорам о свободной торговле с Европейским союзом. В статье для *The Diplomat* Себастьян Странджио отмечает, что успех этой операции неясен, но намерение вступить в обе организации и уверенность в том, что это возможно, являются хорошей иллюстрацией «*гибкой внешней политики Таиланда в действии*».

Игра началась

Сделав шаги в сторону ОЭСР и БРИКС, Джакарта и Бангкок начали тонкую игру

на неоднозначности, в которой первый шаг отнюдь не означает окончательного выбора и тем более не накладывает ограничения. Доктрина “мультиприсоединения”, разработанная Субраманьямом Джайшанкармом, министром иностранных дел Индии, похоже, задала в Азии и за её пределами моду среди малых и средних держав, решительно настроенных не ввязываться в дуэль между американской и китайской сверхдержавами. Бразилия, одна из основательниц БРИКС, также приступила к процессу вступления в ОЭСР. Аналогичным образом, в области крупных соглашений о свободной торговле Япония одновременно участвует и в ТТП, и во ВРЭП. В процессе расширения обоих торговых блоков сложность подобных наборов будет только увеличиваться. Сама Индонезия, которая, как и вся АСЕАН, участвует в соглашении ВРЭП, заявляет о своём намерении подать заявку на участие в ТТП до конца года.

Возвращаясь к первоначальному вопросу, следует отметить, что тенденция к расширению этих международных коалиций не имеет заранее определённого знака. Она может внести новый раскол в мировой империализм, чем больше новые группы будут пытаться заявить о себе как об альтернативе, как о конкурентах по отношению к столпам старого порядка, возглавляемого США, таким как МВФ, Всемирный банк и ВТО. Если же возобладает мотив сосуществования и взаимодополняемости с историческими Бреттон-Вудскими институтами, то это можно будет считать жизнеспособной формой многосторонности в условиях всё более напряжённого и многополярного мирового противостояния. В любом случае, именно кризис порядка трансформирует и расшатывает все отношения и комбинации держав. Марксизм также принимает этот вызов, сеющий хаос среди либеральных доктрин и разжигающий смертельный жар старых и новых национализмов.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

1 – Таиланд получил статус страны-партнёра БРИКС.



Ренато Пасторино

БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ЗАДАЧА

184 страницы, мягкий переплёт, биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Тьермондистский генезис ЮНКТАД

Французский учёный Гийом Девен в своей книге “Международные организации” (“*Les organisations internationales*”, 2022) описывает «сбивающий с толку институциональный лабиринт», настолько сложный, что его «практически невозможно охватить во всех деталях». Помимо Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО), к основным экономическим институтам относятся “банк центральных банков” – Банк международных расчётов (БМР), Международная организация труда (МОТ) и Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая исторически воспринималась как альтернатива “клубу богатых стран” – Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Отсутствующий столп

Параллельно с созданием Организации Объединённых Наций (ООН) страны-победительницы второй мировой войны, наученные горьким опытом Великой депрессии 1930-х годов, предложили три новых экономических института, чтобы не допустить распада мирового рынка на протекционистские блоки: МВФ, Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международную торговую организацию (МТО). МВФ и МБРР (будущий Всемирный банк) были созданы в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции и вошли в историю как символ фиксированных обменных курсов и нового мирового порядка со Штатами во главе.

За риторикой многосторонности фактически скрывались переговоры двух держав-победительниц, выпускавших основные мировые валюты – доллар и фунт стерлингов. По мнению британского историка Мартина Даунтона, победу одержал проект Гарри Декстера Уайта, представителя министра финансов США Генри Моргантау. Финансовая слабость Соединённого Королевства обрекла предложения Джона Мейнарда Кейнса на провал – таким образом, в Бреттон-Вудсе было заключено «соглашение между одной страной и половиной страны» (“*Deadlocks in Multilateral Negotiations*”, 2010).

Однако состоявшаяся позднее в Гаване конференция по торговле привлекла к активному участию гораздо более широкий круг “развивающихся” стран. Подписав Гаванскую хартию 1948 года, они получили значительные уступки в рамках будущей Международной торговой организации (МТО). Но США, зажатые между сопротивлением Конгресса и началом Корейской войны, не ратифицировали соглашение, тем самым похоронив идею МТО.

Москва и Бандунг

Тем временем в 1947 году Вашингтон и Лондон убедили около двадцати стран подписать соглашение о постепенном снижении пошлин – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). После краха проекта МТО это узкое и временное соглашение, рассчитанное на послевоенное восстановление, оставалось единственным действенным механизмом регулирования международной торговли, что раздражало многие изолированные и находящиеся в неблагоприятном положении страны. Например, именно ГАТТ приняла антидемпинговые меры против растущего экспорта текстиля из Азии, введя «добровольные экспорт-

ные ограничения» для “развивающихся” стран с помощью соглашения о хлопке 1962 года. Позже эти ограничения распространились на печально известное Соглашение по мультиволокну 1974 года, обеспечившее десятилетия протекционистской защиты для развитых стран. Более того, стремлению “развивающихся” стран внедрять многосторонний подход препятствовал механизм голосования, принятый в МВФ и Всемирном банке, где голоса распределялись пропорционально экономическому весу стран, фактически закрепляя за США право вето.

По мнению британского экономиста Джона Тойе, возникновение ЮНКТАД связано с «двумя сейсмическими изменениями в международном соотношении сил». После смерти Сталина в 1953 году СССР отказался от политики бойкота ООН и попытался возглавить блок государств, враждебно настроенных к ГАТТ, призвав к ратификации Гаванской хартии и возрождению МТО. На Бандунгской конференции 1955 года многие “развивающиеся” страны заявили о «неприсоединении» к какой-либо из сторон в “холодной войне” и подали заявки на вступление в ООН. Благодаря деколонизации ООН расширилась с 51 государства-основателя в 1945 году до 99 членов в 1960-м и 127 в 1970-м, «[то есть] относительное влияние развивающихся стран выросло» (“*UNCTAD at 50: A Short History*”, 2014).

Протекционистский инкубатор

ЮНКТАД также является плодом экономической мысли и дипломатической инициативы аргентинского государственного деятеля Рауля Пребиша (1901–1986). Основав Центральный банк Аргентины в 1935 году и возглавляя его до 1943 года, Пребиш сформировал своё видение во время кризиса 1930-х годов, наблюдая за катастрофическими последствиями протекционистского закрытия экономики США. Возглавляя с 1950 по 1963 годы экономическую комиссию ООН по Латинской Америке, он утверждал, что классическая рикардиянская теория сравнительных преимуществ справедлива только для структурно схожих стран. Свободная торговля не могла быть эффективной между промышленно развитыми державами и формирующимся молодым капитализмом. Отстающим экономикам требовалось время для развития производственного сектора, дифференциации производства и преодоления зависимости от экспорта сельскохозяйственной продукции и сырья. Поэтому “развивающиеся” страны нуждались в защитных тарифах для внутреннего рынка, субсидиях промышленному производству, преференциальных условиях для экспорта на “развитые” рынки. Эти идеи перекликались с позициями Александра Гамильтона (1755–1804), одного из отцов-основателей США и первого министра финансов, а позднее – немецкого экономиста Фридриха Листа (1789–1846), когда их страны нуждались в собственном “инкубаторе” для их новорождённых отраслей. С точки зрения нашего анализа, это «протекционистская и этатистская закономерность капиталистического восхождения» (La Barbera G., “*Crisi di internazionalizzazione*”, 2000).

Косвенные эффекты

По поручению ООН Пребиш успешно организовал в Женеве в 1964 году первую

конференцию ЮНКТАД, которая стала крупнейшей международной экономической конференцией, когда-либо проводившейся до того времени. Став первым генеральным секретарём новой организации, он предложил повестку дня с тремя основными целями, направленными на сокращение дефицита платёжного баланса “развивающихся” стран: международные соглашения о ценах на сырьё, новые формы финансирования, дополняющие меры МВФ, а также временные преференции для промышленного экспорта из отсталых стран в развитые.

Если сравнивать эти амбициозные цели с достигнутыми результатами, исторический итог можно было бы считать скромным. Однако, как отмечает большинство исследователей, в том числе Джон Тойе, ЮНКТАД одним своим существованием оказала «эффект катализатора», подтолкнув МВФ и другие международные организации к реформам. В частности, ГАТТ отступила от своего основополагающего принципа «недискриминации» и предоставила “развивающимся” странам «особый и дифференцированный режим», официально оформленный в конце Токийского раунда переговоров 1979 года в рамках Всеобщей системы преференций (GSP).

Наша газета, почти ровесница ЮНКТАД, на протяжении десятилетий следила за эволюцией этих международных институтов буржуазии и связанных с ними идеологий и изучала их. В 1960-х и 1970-х годах научная ясность марксизма и ленинский пример анализа капиталистического развития в отсталых регионах, обновлённый Арриго Черветто в “Тезисах 1957 года”, позволили нам избежать заражения тьермондизмом с его романтическим видением, столь модным в те годы.

Экспорт капитала

Комментируя международные дебаты о финансировании отсталых стран, Черветто в 1968 году уточнял, что «речь идёт не о “помощи” или “вкладах”, а просто об экспорте капиталов, регулируемом процентными ставками», что является «фундаментальным признаком империализма»¹. Черветто отмечал, что вокруг этого явления возникла специфическая идеология, «основанная на лицемерии “помощи” со стороны “богатых стран” “бедным”, питаемая, помимо всякого рода священников и торговцев, “демократических” и “социалистических” (т.е. посредниками экспорта), мириадами “теоретиков слаборазвитости”, которые на различных основаниях желают рекламировать, совершенствовать, вести переговоры о советской и западной “помощи”. [...] Теоретики “слаборазвитости” из различных течений, как правых, так и левых, представляют капиталистическую эволюцию некоторых регионов как процесс сохранения слаборазвитости. В действительности, слово “слаборазвитость” уже отражает идеологию, которая имеет представление о развитии капиталистических производственных отношений как о линейном и равновесном процессе. Это полная мистификация действительного процесса капиталистической эволюции, которая сама по себе не “сверхразвитие” и не “слаборазвитость”, а неравномерное развитие, которое не является ни равновесным, ни пропорциональным».

Вывод Черветто носил полностью политический характер: «Непонимание объективности этого процесса неизбежно приводит к превращению в социал-империалистов типа Каутского, т.е. к пониманию империализма как политики, которой можно воспрепятствовать»².

Наш Интернационал

ЮНКТАД родилась в том числе как противовес ОЭСР – организации западных держав, созданной в 1961 году. Тем временем исторически ведущие “развивающиеся” страны, такие как Мексика, Чили и Южная Корея, присоединились к ОЭСР, а другие, как Бразилия, Аргентина, Пребиша и, наконец, сама Индонезия, которая принимала “неприсоединившихся” в Бандунге, находятся в процессе присоединения.

Неравномерность развития превратилась из причины отставания “развивающихся” стран в движущую силу, с помощью которой они потенциально могут обогнать старые державы. И действительно, сегодня идея временно защитить “молодые” отрасли возвращается на свою историческую родину: к этим аргументам прибегают США и ЕС, столкнувшиеся с промышленным вызовом со стороны Китая в новых передовых секторах, таких как производство чипов и электромобилей.

ОЭСР и ЮНКТАД давно утратили свои изначальные роли, сформированные в 1960-е годы в мире, которого больше не существует. Обе организации пытаются развиваться, чтобы выжить. ЮНКТАД уступила все переговорные амбиции ВТО, но остаётся важным центром статистической обработки данных и по-прежнему заявляет о своей особой миссии. В июне, отмечая в Женеве 60-летие ЮНКТАД, её генеральный секретарь Ребека Гринспан вспомнила о «далёководном архитекторе» Пребише и о необходимости «нового момента 1964 года», чтобы дать “развивающимся” странам больший голос в меняющемся мировом порядке. По мнению костариканки Гринспан, «возник новый многополярный мир. Но многополярность без многосторонности – это путь к фрагментации, сползанию к торговым войнам и упадку глобального сотрудничества». Текущая идея ЮНКТАД заключается в том, что «многополярность – это не выбор. Выбор – это многосторонность. Именно многосторонность является хрупким исключением, высшим достижением на путях развития и поисков мира, которыми идёт человечество».

Вот она, воскресшая каутскианская мистификация – используемая как идеологический инструмент “развивающихся” держав. Она подпитывает миф о многостороннем сотрудничестве, которое якобы может сдержать взрыв империалистического раздора. Мы, коммунисты, твёрдо придерживаемся опыта большевиков и перспективы создания единственно возможной действительно международной организации – Интернационала, который объединит пролетариев всего мира.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2-х т. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 313.

2 – Там же. С. 322–323.

Чудеса и провалы цепочек поставок

За считанные годы покупка товаров, произведённых за океаном, с доставкой на дом – да ещё и “бесплатной доставкой уже завтра” – стала обыденной частью массового потребления, причём не только в развитых странах. За этой кажущейся цифровой магией – от клика на экране до посылки у порога – скрывается сложная международная цепочка поставок и, прежде всего, труд рабочих, которые обеспечивают её работу: от фабрик по производству компонентов до сборочных заводов, грузовиков, контейнеровозов, кранов, складов и, наконец, фургона перед домом.

Хрупкость или устойчивость

Подобно тому, как болезнь заставляет человека лучше узнавать своё тело и его функции, цепочки поставок оказываются в центре внимания лишь тогда, когда дают сбой. А в последние годы сбоек хватало: будь то локальные инциденты, такие как цунами на Фукусиме в 2011 году или контейнеровоз, севший на мель в Суэцком канале в 2021 году, или общие кризисы, такие как “великая рецессия” 2009 года. Эти события и, прежде всего, чрезвычайный шок от пандемии породили огромное количество исследований и аналитики, которые можно условно разделить на два противоположных лагеря.

С одной стороны, преобладает мнение, что длинные и запутанные международные производственные цепочки – это тревожный источник нестабильности и зависимости от стратегических противников. Согласно противоположной точке зрения, однако, сама череда кризисов доказала, что система в основе своей устойчива и способна адаптироваться, поскольку её звенья легко заменяемы благодаря широкому предложению мирового рынка. Обе школы сходятся на том, что происходит глубокая реструктуризация системы. Политические лозунги этой реструктуризации стали широко узнаваемыми. Президент Дональд Трамп провозгласил открытую линию на разрыв связей – *декаплинг* – с Китаем и перенос промышленного производства в США. Администрация Джо Байдена делает ставку на торговлю с союзниками – *френдшоринг*. Европейская комиссия под руководством Урсулы фон дер Ляйен выбрала более осторожный подход к Пекину – стратегию снижения рисков *дерискинг*.

Статистический туман

По мнению Ричарда Хааса, почётного председателя Совета по международным отношениям, опасения по поводу цепочек поставок можно свести к двум старым истинам: «Не кладите все яйца в одну корзину» и «Цепь прочна только настолько, насколько крепко её самое слабое звено» (*Project Syndicate*, 10.12.2020). Казалось бы, решения просты: диверсификация поставщиков, создание запасов, – но они дороги и, следовательно, противоречат вышнему закону прибыли. Поэтому неясно, в какой степени линии, которые проводят или провозглашают правительства, реально отражаются в действиях крупных промышленных групп – подлинных двигателей мировой торговли. Об этом пишет Саймон Эвенетт из швейцарского университета Санкт-Галлена, один из самых внимательных наблюдателей за признаками протекционистского дрейфа, отслежи-

ваемого с 2009 года в рамках проекта “Global Trade Alert”.

В своей статье для “Восточноазиатского форума” Эвенетт высказывает ряд сомнений относительно популярной версии о «массовом перераспределении» глобальных цепочек поставок, вызванном геополитической напряжённостью. Основное возражение – недостаток информации: «Просто не существует всеобъемлющего набора данных о многочисленных уровнях поставщиков, с которыми взаимодействуют международные компании». Очень часто компании «знают только первые два уровня своих собственных поставщиков», но даже эти неполные сведения обычно охраняются как коммерческая тайна. Более того, «наиболее полные данные о глобальных цепочках добавленной стоимости касаются компаний, работающих в США», и большинство исследований основано именно на них. «Но это не означает, что решения американских компаний повторяются в других странах». Эта статистическая неопределённость в поведении крупнейших игроков требует внимания, поскольку она усложняет оценку перемен, происходящих со знаком мирового цикла.

Незавершённые карты

Джина Раймондо, министр торговли в администрации Байдена, призналась в интервью Рэне Форухар из *Financial Times*, что самым большим сюрпризом за время её пребывания на этом посту стало осознание того, «насколько федеральное правительство оказалось не готово выявлять сбои в цепочках поставок и реагировать на них». Основная проблема заключалась в асимметрии между политическими указаниями администрации, такими как подход *френдшоринга*, предложенный министром финансов Джанет Йеллен, и тем фактом, что именно частные экономические группы владеют информацией о своих цепочках поставок и управляют ими, исходя из конкретных выгод и рисков, а не из общенациональных системных интересов.

В 2023 году Раймондо создала в своём министерстве новый “Центр цепочек поставок”, задачей которого стало взаимодействие с компаниями для составления карт этих цепочек и выявления потенциальных узких мест в стратегически важных секторах. Форухар называет эту инициативу шагом в правильном направлении – в сторону «экономической безопасности» США, – но при этом указывает на её недостатки. С одной стороны, «невозможно создать полную 360-градусную карту, даже в наиболее важных секторах, отчасти потому, что компании не обязаны (пока) предоставлять служебную информацию», например, полный список поставщиков. С другой стороны, настоящая проблема заключается в том, как изменить цепочки: «Одно дело – знать, где находятся поставщики, другое – сделать производство в богатых странах экономически целесообразным».

Системная ошибка

На первом “Саммите по цепочкам поставок”, организованном 10 сентября в Вашингтоне министерством торговли и Советом по международным отношениям, Covid-19 был назван переломным моментом. Пандемия вскрыла внезапный дефицит не только повседневных

товаров, но и критически важных медицинских средств, показав Америке, насколько она зависима от глобальных цепочек поставок, о которых никто не имеет полного представления, не говоря уже о контроле.

Об этом болезненном прощании с мечтой об идеальной глобализации с особым вниманием пишет экономический обозреватель *New York Times* Питер Гудман в книге “Как в мире закончилось всё” (*How the World Ran Out of Everything*, 2024). Главная идея заключается в том, что «торжество финансовых соображений над всеми остальными» сформировало за последние десятилетия цепочки поставок таким образом, что они оказались подвержены целому ряду смертельных рисков: отсутствие стратегических запасов в системе поставок «точно в срок», зависимость от китайских фабрик, монополия транснациональных гигантов в промышленности и морских перевозках. Когда ведущая экономическая держава мира сталкивается с пандемией, не имея масок для медицинского персонала, не способная наладить производство жизненно важных аппаратов ИВЛ, испытывая нехватку сухого молока для новорожденных, имея ограниченный запас микросхем, которые забирают производители смартфонов, а не медицинских приборов, – приходится признать, что «наша система дала сбой».

Чудеса логистики

Кристофер Мимс, журналист *Wall Street Journal*, придерживается оптимистической точки зрения и восхищается эффективностью глобализованного капитализма. Его книга “Прибытие сегодня” (*Arriving today*, 2021) – это восторженный рассказ о “мире-фабрике”, в котором логистика «стала, пожалуй, самой сложной сферой человеческой деятельности». Обычный смартфон может содержать «литий из Австралии, превращённый в батарею в Корею; микрочипы, произведённые на Тайване из кремния, полученного в Японии из кварца, добытого в Аппалачах; небьющееся стекло из Кентукки, сделанное из песка из Миннесоты; лазеры из Техаса, – и ещё столько же источников и отдельных цепочек поставок для более чем трёхсот компонентов такого устройства. Каждый раз, когда мы пользуемся своим телефоном, мы держим в руках нечто, что содержит больше историй, чем мы могли бы прожить за всю жизнь».

Мимс прослеживает путь USB-зарядки длиной более 20 тысяч километров, занявший два месяца – от завода Foxconn во Вьетнаме до покупателя в Коннектикуте, оформившего заказ на Amazon накануне и получившего его на следующий день из рук водителя UPS. “Вокруг света” в стиле Жюль Верна: на грузовике, на барже по реке Меконг, на огромном корабле, перевозящем около 6600 контейнеров, из Сайгона¹ в Шанхай, а затем в Лос-Анджелес. Контейнеровоз, «самый большой рукотворный объект, перемещающийся по Земле», пересекает Тихий океан медленно, со скоростью 18 узлов, что удлиняет путь на неделю, но сокращает расходы на топливо на 60 %. В Калифорнии тысячи контейнеров разгружаются за один день гигантскими автоматизированными кранами, одними из самых больших роботов на планете, с помощью сложных алгоритмов. Затем груз отправляется по

суше, в основном на фурах, к складам и в конечные пункты распределения.

Варварство наживы

Одно только это путешествие нужно умножить на сто миллиардов – именно таково «число посылок, отправляемых каждый год по всему миру, достигнутое к 2020 году». Мимс надеется, что его читатели «больше никогда не смогут взять посылку с порога, не испытывая лёгкого волнения перед грандиозными усилиями и сложнейшей системой, стоящими за этой доставкой прямо к ним домой».

Коммунисты разделяют энтузиазм по поводу развития производительных сил при капитализме, особенно потому, что это развитие лишь приоткрывает поразительный потенциал общественного производства, свойственный человеческому виду. Нет лучшего подтверждения марксизма, чем эта растущая интеграция мирового рынка – неотделимая, однако, от его капиталистических противоречий.

Гудман считает, что нынешний акцент на безопасности цепочек поставок под знаменем *решоринга* и *френдшоринга* вряд ли продлится долго, поскольку законы экономики требуют от компаний сокращения расходов даже при подготовке контрмер на случай непредсказуемых, но неизбежных кризисов. «Эта существенная реальность не изменилась», и после смертельных неудач, постигших здравоохранение во время пандемии, «мы можем только заключить, что в неустанной гонимости за прибылью мы отказались от чего-то основополагающего: от права называться цивилизованным обществом».

Те, кто осознаёт варварство капитализма только в моменты кризиса, заблуждаются, если думают, что его можно реформировать, исправив его ужасы. Для тех, кто борется против разделения на классы и господства капитала, подлинное начало цивилизации – в коммунизме.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г

1 – Широко используемое и в наше время название Хошимина до 1976 г.



Ренато Пасторино
Их политика и наша политика
Новое коммунистическое поколение в Европе

288 страниц, твердый переплет, список аббревиатур, хронология, библиография, биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Индонезия при Прабово выбирает обязательства перед ВРЭП, ТТП и ОЭСР

В октябре 2015 года во время визита в американский Белый дом президент Индонезии Джоко Видодо заявил о своём намерении присоединить страну с её огромным населением (250 млн человек) к Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП) – крупному торговому соглашению, заключённому в том же месяце по инициативе президента США Барака Обамы. В сентябре текущего года, незадолго до окончания своих полномочий, правительство Видодо официально выдвинуло кандидатуру Индонезии на участие в ТТП, несмотря на выход США из соглашения, которое продолжают поддерживать другие страны-участницы во главе с Японией.

Новый президент Прабово Субианто движется в том же направлении.

Обязательства по реформам

Одним из косвенных последствий неожиданного решения Дональда Трампа отказаться от участия США в ТТП в начале его президентского срока в 2017 стало длительное замораживание присоединения Индонезии к соглашению. Теперь процесс возобновляется, но в глубоко изменившемся контексте. ТТП больше не является американским инструментом сдерживания Пекина и торга с ним, задуманным, по словам Обамы, с целью «написать правила мировой экономики» до того, как это сделает Китай. Токио по-прежнему держит дверь открытой для возвращения Вашингтона, но в обозримом будущем эта перспектива кажется всё менее и менее реалистичной. В 2021 году правительство Бориса Джонсона инициировало присоединение Великобритании, и сейчас подходит к завершению его ратификация. Среди других стран-кандидатов выделяется Китай с его огромными размерами, но пока он терпеливо ожидает.

По данным ООН, демографическая мощь Индонезии достигла порога в 280 млн жителей, четверть из которых младше 14 лет. ВВП страны в текущих ценах вырос с 860 млрд долларов в 2015 году до 1,37 трлн долларов в 2023-м. Перспектива вступления в ТТП объясняется правительством Видодо тем же аргументом о *внешних обязательствах*, который весной использовался, чтобы обосновать решение о вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – историческую организацию «развитых» стран. Как заявил министр экономики Аирлангга Хартарто, «это решение, которое мы принимаем для структурного реформирования нашей экономики».

Индийское зеркало

Аирлангга утверждает, что переговоры не будут сложными, поскольку 70 % индонезийских правил уже приведены в соответствие со стандартами ТТП. На фоне осторожной позиции Индии под руководством Нарендры Моди, отказавшейся присоединяться к Азиатскому всестороннему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП), возникает вопрос: как объяснить кажущуюся беззаботность Индонезии, которая одновременно участвует в ВРЭП, стремится вступить в конкурирующее с ним ТТП и даже в закрытый клуб ОЭСР, членство в котором подразумевает наличие всех атрибутов демократического и либерального капитализма?

Прежде всего, можно отметить, что в своём экономическом развитии Индоне-

зия демонстрирует определённое преимущество перед Индией – по крайней мере, если судить по средним показателям в этих странах, несмотря на то что население Индии в пять раз больше. По данным Всемирного банка за 2023 год, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Индонезии составляет 15.612 долларов, тогда как в Индии – 10.175 долларов. Уровень урбанизации – 59 % против 36 %, доля промышленности в ВВП – 40 % против 25 %.

С другой стороны, подход правительства Видодо нельзя сводить лишь к его либеристским чертам. По мнению Арианто Патунру, исследователя “*Indonesia Project*” Австралийского национального университета, торговая политика Индонезии представляет собой смесь «двойственности, прагматизма и национализма» (“*Bulletin of Indonesian Economic Studies*”, 2023).

Колеблющийся либеризм

Двойственность проявляется в отношении к правилам ВТО и МВФ, в либерализации лишь некоторых секторов, в принятии множества соглашений о свободной торговле и в то же время – введении протекционистских тарифов и нетарифных барьеров, таких как требование к степени локализации. Найти долгосрочное равновесие между мерами по открытости и защите затруднительно, особенно если учитывать заявленные Джакартой амбиции включиться в гонку за статус “нового Китая”, предлагая дешёвую рабочую силу для международных производственно-сбытовых цепочек. Согласно данным *Global Trade Alert*, по уровню протекционизма Индонезия заметно опережает таких конкурентов, как Малайзия, Таиланд и Вьетнам.

Индонезийский прагматизм проявляется в законодательных реформах, таких как Сводный закон 2020 года, направленных на содействие иностранным инвестициям. Национализм выражается, например, в промышленной политике управления природными ресурсами, призванной ограничить экспорт сырья и стимулировать его переработку внутри страны. Примером может служить запрет на экспорт никеля с целью развивать его переработку внутри страны, о чём мы уже писали ранее (“*Nuove alchimie cinesi sul nichel di Giacarta*”).

Хэл Хилл (Австралийский национальный университет) и Джаянт Менон (Институт исследований Юго-Восточной Азии, ISEAS, Сингапур) предлагают частичное объяснение зигзагов между открытием и протекционизмом. За десятилетие, предшествовавшее 2020 году, президенты Индонезии сменили семь министров торговли с «широко расходящимися (а в некоторых случаях и противоречивыми) взглядами на вопросы торговли – от в целом либеристских и интернациональных до решительно протекционистских» (“*Trade policy in Indonesia and Thailand*”, 2021).

Относительное развитие

Хэл Хилл и Сиваге Дхарма Негара (ISEAS) в книге “*The Indonesian Economy in Transition*” (ISEAS, 2019) пишут, что правительство Видодо «колеблется в международной экономической политике между прагматичной открытостью и экономическим национализмом», не отказываясь от протекционистских мер, введённых во время сырьевого бума.

В долгосрочной перспективе Индонезия пережила тридцатилетие быстрого экономического роста при режиме Сухарто с 1966 по 1996 год, когда среднегодовой рост её ВВП составил 7,3 %. Азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов разрушил эту политическую систему, нанеся очень сильный удар по индонезийской экономике и вызвав рецессию в 13,4 % в 1998 году, которая приобрела символическое значение. Хилл и Негара пишут, что если исходить из этой отправной точки, то, «возможно, не будет преувеличением сказать, что экономическое и политическое развитие следующих двух десятилетий было чуть ли не чудом». С начала тысячелетия, за исключением пандемической рецессии 2020 года, Индонезия поддерживает среднегодовые темпы роста выше 5 %. Поскольку ВВП на душу населения увеличился более чем в 6 раз за 50 лет, она входит в состав небольшой группы стран, способных к исключительно быстрому росту в течение устойчивых периодов. Однако развитие Индонезии не поспевает за ростом других азиатских гигантов: со своим ВВП на душу населения выше 15 тыс. долларов она отстаёт от Китая (более 24 тыс. долларов), не говоря уже о Южной Корее и Японии (более 50 тыс. долларов).

Уроки Азии

Предисловие к книге Хилла и Негары написал Боэдионо, вице-президент Индонезии с 2009 по 2014 год, многократно занимавший министерские посты (по планированию в 1998–1999 годах, по финансам в 2001–2004, по экономике в 2005–2008), а также возглавлявший центральный банк страны в 2008–2009 годах. Боэдионо родился в Блитаре (провинция Восточная Ява) в 1943 году, получил экономическое образование в Австралии и США. Он входил в число технократов режима Сухарто в “славное тридцатилетие” ускоренного развития. Его размышления касаются того, «чему Индонезия могла бы научиться из опыта стран Восточной Азии» – группы государств, в которую он включает «Японию, Тайвань, Южную Корею, Сингапур, Гонконг и в последнее время Китай, а теперь, возможно, даже Вьетнам». Эти страны похожи, «потому что в своём стремлении к развитию они применяли схожие стратегии с одинаковыми результатами».

Боэдионо особо выделяет две общие черты подхода к обеспечению развития. Во-первых, способность отдавать приоритет «улучшению трёх стратегических областей, а именно образования, бюрократии и инфраструктуры» Такой выбор, по его мнению, во многом укоренён в конфуцианском понимании государства. В экономической литературе этот триединый подход считается краеугольным камнем устойчивого развития, поскольку способствует повышению общей производительности в долгосрочной перспективе. Во-вторых, выбор изначально недемократической институциональной политической модели с жёсткой бюрократией, позволяющей государству играть «роль активиста» в качестве координатора и руководителя крупных экономических групп. По мнению Боэдионо, решающим моментом является то, что в критические этапы своего роста эти азиатские капитализмы не страдали от навязчивой ориентации на краткосрочные цели, столь характерной для демократий. «Их стратегические планы в известной степени были защищены от капризов и резких ко-

лебаний, которые часто сопровождают избирательные циклы».

Государственный план

Индонезия имела аналогичный опыт в течение тридцати лет правления Сухарто, когда был достигнут «значительный прогресс на экономическом и социальном фронте благодаря последовательной политике развития, проводимой под контролем группы компетентных и преданных своему делу технократов, работавших под эгидой политического режима, который был не вполне демократичным, но стабильным». После кризиса конца 1990-х годов «были введены полная избирательная демократия, разделение государственных властей, система сдержек и противовесов в правительстве и свободная пресса. Однако на уровне практического управления было утрачено нечто важное». По мнению Боэдионо, урок двойкий, так как «демократия сама по себе не гарантирует развития», но и, наоборот – «без развития маловероятно, что демократия сможет выжить». Идеальным решением была бы демократия, «ориентированная на развитие», которая не является заложницей краткосрочной перспективы и способна работать над повышением производительности, разрабатывая и реализуя пятилетние, десятилетние, двадцатилетние планы.

Рассуждая о своей технократической миссии, Боэдионо также затрагивает более общий вопрос лучшей политической оболочки для капитализма. Учитывая бурную историю архипелага, влияние маоистов на режим Сукарно и кровавые репрессии, приведшие Сухарто к власти, в Индонезии до сих пор сложно открыто предлагать китайскую модель. Однако в основных ингредиентах, предложенных Боэдионо, а именно в конфуцианском государстве и правительстве, способном работать над долгосрочными стратегическими планами и не связанном ограничениями электоральных сроков, кажется, легко распознать рецепт Китая. Вопросы империалистической демократии, поставленные в Пекине, требуют ответов и в Джакарте.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.



**ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК**

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.